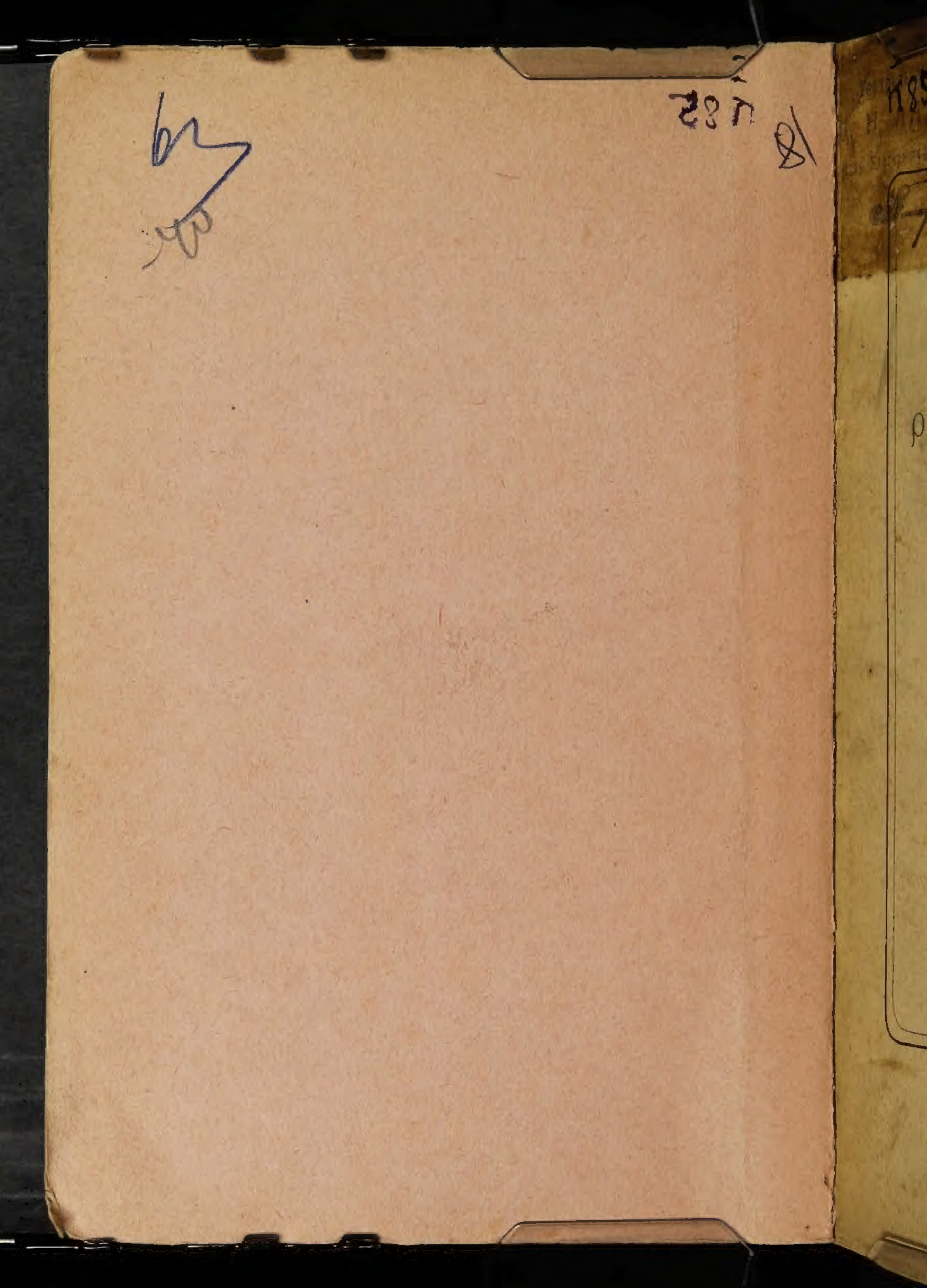
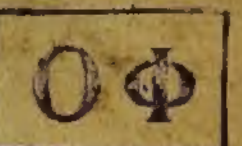
1812 гг.

1812-й год

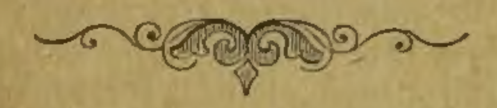

1812-ый ГОДЪ.

Отечественная Война.

ПЬЕСА
въ ПЯТИ дѣйствіяхъ
и ДЕСЯТИ КАРТИНАХЪ.

Сочиненіе
Виктора Крылова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Цѣна каждому тому 1 р. 50 к.

Томъ первый. 1) КЪ МИРОВОМУ! Ком. въ 3 д. 2) ПО ДУХОВНОМУ ЗАВѢЩАНІЮ. Ком. въ 3 д. 3) НА ХЛѢБАХЪ ИЗЪ МИЛОСТИ. Ком. въ 4 д.

Томъ второй. 1) ВЪ ОСАДНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ. Ком. въ 4 д. 2) ЗЕМЦЫ (Змѣй Горынычъ). Ком. въ 5 д.

Томъ третій. 1) ШАЛОСТЬ. Ком. въ 3 д. 2) ПОЭЗІЯ ЛЮБВИ. Ком. въ 3 д. 3) ВЪ ДУХѢ ВРЕМЕНИ. Ком. въ 4 д.

Томъ четвертый. 1) ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ. Драма въ 5 д. 2) БАЛОВЕНЬ. Ком. въ 3 д. 3) СЕКРЕТНОЕ ПРЕДПИСАНІЕ. Картинка лагерной жизни въ 1 д. 4) МЫ ПОССОРИЛИСЬ. Сцена-монологъ въ 1 д.

Томъ пятый. 1) СОРВАНЕЦЪ. Ком. въ 3 д. 2) НАДЯ МУРАНОВА. (Не ко двору). Ком. въ 5 д. 3) МЕДВѢДЬ СОСВАТАЛЪ. Ком. въ 1 д.

Томъ шестой. 1) СЕМЬЯ. Ком. въ 4 д. 2) РАЗЛАДЪ. Драма въ 4 д. 3) ДИВИДЕНДЪ. Ком.-шутка въ 1 д. 4) ВНУЧКА. Ком. въ 1 д.

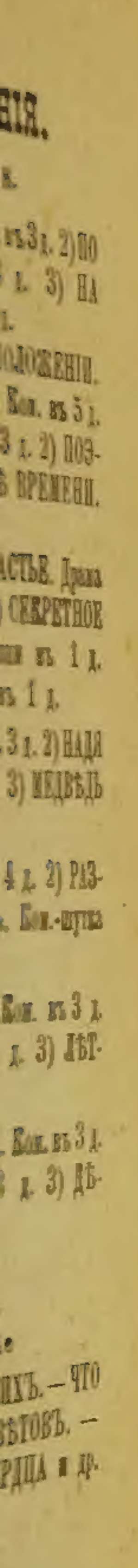
Томъ седьмой. 1) ПЕРВАЯ МУХА. Ком. въ 3 д. 2) ГОРОДЪ УПРАЗДНЯЕТСЯ. Ком. въ 4 д. 3) ЛѢТНІЯ ГРЁЗЫ. Ком. въ 3 д.

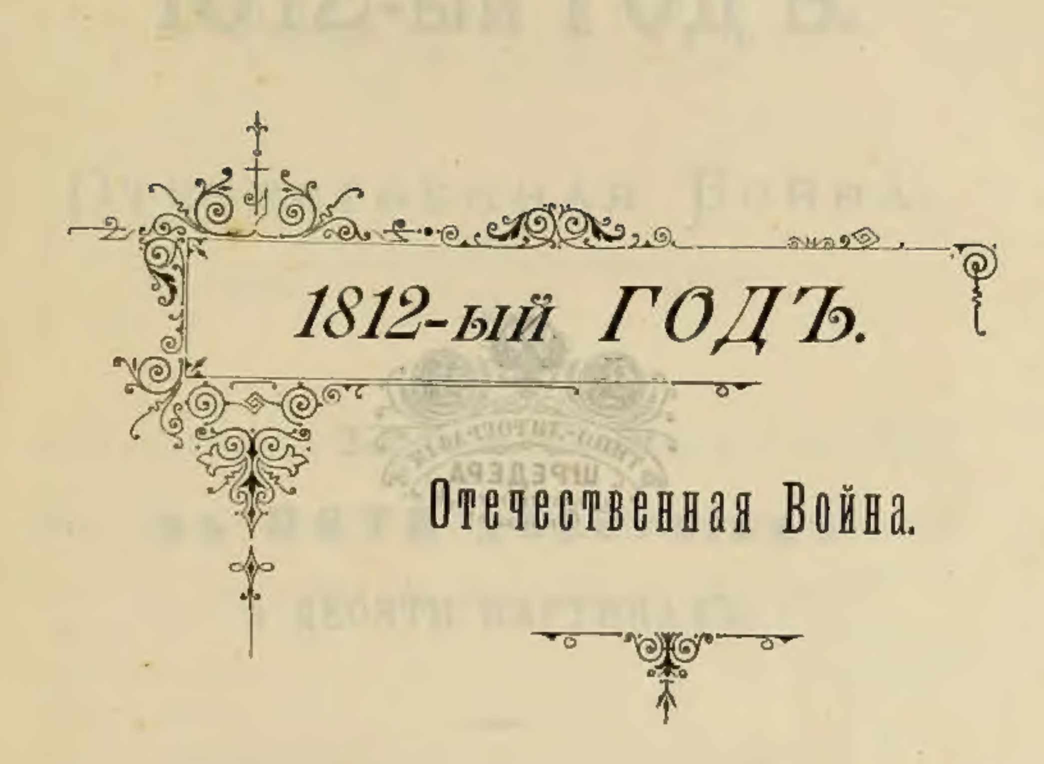
Томъ восьмой. 1) РАДОСТИ ЖИЗНИ. Ком. въ 3 д. 2) КОМУ ВЕСЕЛО ЖИВЕТСЯ? Ком. въ 3 д. 3) ДѢВИЧІЙ ПЕРЕПОЛОХЪ. Ком. въ 4 д.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СНЫ. — КОНЕЧНО. — ВЪ ЗАЩИТУ МАЛЕНЬКИХЪ. — ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ? — ТРУСЪ. — ЯЗЫКЪ ЦВѢТОВЪ. — ЮБИЛЯРЪ. — ПОЧЕМУ? — ОТКЛИКИ СЕРДЦА и др.

Цѣна 1 р. 50 к.

1812-ый ГОДЪ.

Отечественная Война.

Типо-Литографія ШРЕДЕРА С.-Петербургъ Гороховая 49

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 марта 1903 года.

1812-ый ГОДЪ.

Отечественная Война.

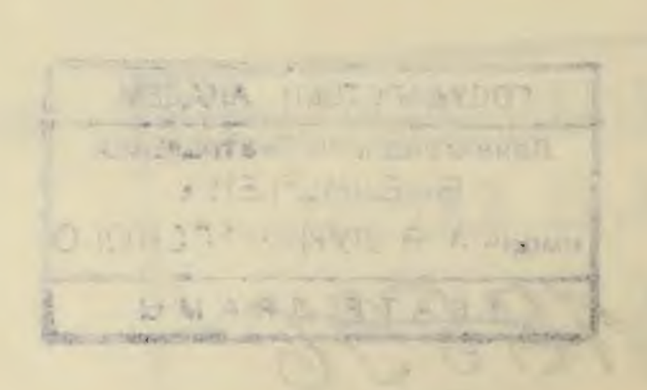
ПЬЕСА
въ ПЯТИ дѣйствіяхъ
и ДЕСЯТИ КАРТИНАХЪ.

Сочинение
Виктора Крылова.

Дѣйствіе происходитъ частью въ губерніяхъ Россіи, на мѣстѣ театра военныхъ дѣйствій, частью въ Москвѣ, въ 1812 году.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Картина 1-я.

ЗА ОТЕЧЕСТВО.

ЛИЦА.

Коростылевъ, Андрей Петровичъ, богатый помѣщикъ.
Елена, его дочь.
Пастурина, Анна Николаевна, княжна, старая дѣва, помѣщица.
Обратимовъ, Иванъ Семеновичъ. } Сосѣди Коростылева, помѣщики.
Сивскій. } Сосѣди Коростылева, помѣщики.
Бережухинъ. } Сосѣди Коростылева, помѣщики.
Заставинъ. } Сосѣди Коростылева, помѣщики.
Вѣра } молодыя дѣвицы, дочери Бережухина.
Катя } молодыя дѣвицы, дочери Бережухина.
Милитецко, Александръ Константиновичъ.
Квашнинъ, Захаръ Кузмичъ, однодворецъ.
Гусакова, Марфа Савишна, мѣщанка, старуха.
Дмитрій } ея сыновья, юноши.
Иванъ } ея сыновья, юноши.
Сенька, лакей, крѣпостной Коростылева.
Васька, цыганъ.

Помѣщики обоего пола, гости Коростылева, прислуга, ополченцы крестьяне.

Въ деревнѣ Коростылева.

Садъ.

I.

По открытіи занавѣса КОРОСТЫЛЕВЪ, ЕЛЕНА, ПАСТУРИНА, СИВСКІЙ, ЗАСТАВИНЪ, БЕРЕЖУХИНЪ и его двѣ дочери и другіе дворяне — сидятъ за столомъ. Только что кончили обѣдать. Говоръ. КОРОСТЫЛЕВЪ встаетъ, за нимъ остальные.

Пастурина.

Ну, спасибо тебѣ на угощеньи, Андрей Петровичъ.

Многіе.

Благодаримъ, благодаримъ покорно.

Коростылевъ.

Вамъ благодарствую, что посѣтили мою деревушку, старика не забываете... (Слугамъ.) Эй, люди! убирай все живо... да трубки давай.

Слуги сразу уносятъ обѣденный столъ и подаютъ трубки.

Сивскій.

А я все-таки скажу: совсѣмъ ужъ это не такое ужасное бѣдствіе, война. Ну что же: Наполеонъ собралъ разноплеменныя полчища и вторгся въ Россію... Ну, онъ дастъ намъ два, три блестящихъ сраженія, разобьетъ насъ, конечно, и потомъ за-

ключить миръ... и тогда пойдутъ праздники въ честь мира... иллюминація, митрополитъ въ полномъ облаченіи... барышни въ бѣлыхъ платьяхъ, съ розанами... Я поѣду въ Петербургъ на это торжество когда заключатъ міръ.

Бережухинъ.

Война только что началась, непріятель только что вошелъ въ Россію, а вы ужъ объ мирѣ толкуете.

Спвскій.

Потому что Наполеонъ не любитъ долго сражаться. Двѣ, три побѣды и потомъ миръ... барышни въ бѣлыхъ платьяхъ... праздники, торжество.

Бережухинъ.

Все-жъ таки, хоть тремя побѣдами, да какъ хватитъ этакъ по затылку, заревешь.

Пастурина.

Конечно война всѣмъ намъ дастъ себя знать. И что онъ не можетъ угомониться, Наполеонъ. Довольно ему славы военной: и въ Египтѣ побѣждалъ, и нѣмцевъ, и итальянцевъ. Ужъ могъ бы удомосѣдиться, да пиры пировать; чего онъ къ намъ еще лѣзетъ. Теперь я съ каждымъ днемъ жду, что всѣхъ холопей у меня отымутъ въ солдаты; придется безъ слугъ жить... да еще поборы пойдутъ...

Заставинъ.

Хуже можетъ статься, какъ непріятель-то до нашихъ деревень доберется; вотъ раззореніе.

Вѣра Бережухина.

Неужели къ намъ въ деревню французы придутъ?

Катя Бережухина.

Какъ интересно!

Бережухинъ.

Молчите, сороки, не накликайте бѣды.

Пастурина.

И не говори, голубчикъ, ужасъ какой. Я ужъ о сю пору трехъ дѣвокъ на ночь къ себѣ въ спальню кладу; сны такіе мерещатся, страсть.

Бережухинъ.

Да, начать-то начали, а чѣмъ то кончится. Войной воевать не то, что за лисицей съ арапникомъ гоняться: каждый за свою шкуру дрожи.

Заставинъ.

Зло страшное, страшное зло.

Коростылевъ.

И мы его заслужили. Изнѣжились мы, обабились, такъ намъ и надо. Не дорожили мы блажен-

ныя памяти императоромъ Павломъ, вотъ и расплачивайся.

Заставинъ.

Строгій былъ государь,—ой, ой.

Коростылевъ.

Потачки не давалъ лѣнтяямъ... роптали на него за это, а что вышло? Павелъ-то намъ войска готовилъ; кабы онъ живъ-то былъ, у насъ были бы и генералы, и офицеры, и солдаты.

Заставинъ.

Солдаты у насъ хорошіе,—вотъ начальники...

Коростылевъ.

И не подивлюсь я, коли Наполеонъ насъ завоюетъ: и Кіевъ, и Москву, и Петербургъ... тогда помянутъ императора Павла, какъ онъ насъ дисциплинѣ училъ.

Пастурина.

Съ нами крестная сила! ты, чѣмъ бы ободрять насъ, еще хуже...

Коростылевъ.

Ничего, пускай Бонапартъ хорошенько встряхнетъ нашу дуру Россію, авось опомнится... расползлись наши вельможи на обѣды, да на фаворитокъ... Сдерутъ съ васъ бархатные-то кафтаны и ладно.

Пастурина.

Да что ты какую напасть сулишь.

Сивскій.

Вы оттого такъ говорите, Андрей Петровичъ, что васъ по службѣ обошли и вы считаете себя обиженнымъ.

Коростылевъ.

Насъ обиженныхъ много. Всѣ слуги императора Павла обижены. Вотъ и посмотримъ, какъ безъ насъ со врагами справятся.

Входитъ Милитецко.

II.

ТѢ-ЖЕ и МИЛИТЕЦКО

Елена.

А! вотъ и князь вернулся изъ города

Коростылевъ.

Замѣшкался, князь, запоздалъ... (Слугамъ.) Эй! обѣдъ скорѣй князю.

Милитецко.

Ради Бога не надобно. Меня господинъ капитанъ исправникъ угостилъ... я довольно сытъ.

Коростылевъ.

Господа! прошу познакомиться: мой лучшій другъ, князь Милитецко изъ Молдавіи, живой примѣръ того, какъ наша матушка Россія умѣетъ быть благодарной. Въ нашей теперешней войнѣ съ Турціей онъ держалъ сторону Россіи и за это лишился всѣхъ своихъ владѣній, принужденъ скитаться нищимъ по бѣлу свѣту.

Милитецко.

Мой великодушный бояринъ, я нисколько не сожалѣю, что султанъ конфисковалъ мои имѣнья въ Молдавіи. Я лишился средствъ, но это привело мнѣ случай познакомиться съ вами и съ вашей превосходной дочерью, Еленой Андреевной (Цѣлуетъ у Елены руку.) и получить ваши благодѣянія.

Бережухинъ.

Гдѣ вы выучились говорить по русски, если вы молдованинъ?

Милитецко.

О, я всегда любилъ Россію... я часто пріѣзжалъ въ Россію и жилъ въ ней долго.

Коростылевъ.

А что на счетъ моихъ благодѣяній онъ говоритъ, вы ему не вѣрьте. Князь ко мнѣ недѣли четыре тому назадъ пріѣхалъ проситься въ управляющіе имѣньемъ... я съ нимъ часокъ поговорилъ по душѣ и сразу понялъ, что это человѣкъ надежный

Милитецко.

Я никогда не могу забыть, что вы для меня сдѣлали.

Коростылевъ.

Ты мнѣ за все отплатилъ, князь. Вотъ передо всѣми дворянами скажу: вообразите, всѣ недоимки собралъ, какія были, да еще въ разныхъ мѣстахъ хлѣбъ дешево скупилъ. У меня теперь въ амбарахъ пшеницы, ржи, овса сколько давно не запомню.

Бережухинъ.

Такъ ты, братъ, хлѣба здѣсь не держи, отправляй его куда нибудь подальше. Коли война разгорится, чего добраго не увезешь отъ непріятеля.

Пастурина.

Что вы? Вѣдь и у меня въ семи верстахъ отсюда въ имѣньи хлѣбъ сложенъ; развѣ вывозить?

Милитецко.

Успокойтесь, теперь нѣтъ опасности. Я привезъ вамъ самыя утѣшительныя вѣсти о военныхъ дѣйствіяхъ.

Пастурина.

Такъ что-жъ ты, князь, ихъ первымъ дѣломъ не выкладываешь?

Бережухинъ.

Какія вѣсти?

Милитецко.

Во-первыхъ съ Турціей заключенъ миръ... Теперь всѣ войска свои Россія можетъ выслать противъ Наполеона.

Бережухинъ.

Это офиціально извѣстно?

Милитецко.

Въ церквахъ священники народу читали и молебны служили.

Бережухинъ.

Любо! любо!.. держись Бонапартъ!

Милитецко.

Другая вѣсть еще важнѣе: наши двѣ арміи соединились.

Сивскій.

Какъ соединились?

Пастурина.

Что такое?

Милитецко.

У насъ вѣдь противъ Наполеона выставлены двѣ арміи: Барклая-де-Толли въ сто двадцать тысячъ человѣкъ и Багратіона въ сорокъ тысячъ... Наполеоновскія войска быстрымъ маршемъ хотѣли

оторвать одну армію отъ другой, чтобъ разбить одну и другую раздѣльно. Это не удалось... сейчасъ пришло извѣщеніе, что Багратіонъ ловко обошелъ непріятеля и соединился съ Барклаемъ... теперь обѣ русскія арміи вмѣстѣ подъ Смоленскомъ. Русскихъ будетъ болѣе полутораста тысячъ, а у Наполеона около двухсотъ. Бояться намъ нечего.

Бережухинъ.

Какія двѣсти тысячъ. Бонапартъ, говорятъ, навелъ на насъ больше полмилліона всякихъ народовъ: и нѣмцевъ, и итальянцевъ, и, чортъ ихъ тамъ знаетъ, какихъ дураковъ на насъ гонитъ.

Милитецко.

Такъ вѣдь войска надо опредѣлить во всѣ стороны. Еще теперь изъ Турціи адмиралъ Чичаговъ семьдесятъ тысячъ ведетъ .. и противъ него надо готовиться.

Пастурина.

Князинька, милый, откуда ты такой выскочилъ добрый вѣстунъ?.. Хочу и я съ тобой посовѣтоваться.

Сенька—войдя.

Баринъ! у насъ подъ садомъ по дорогѣ ополченцы проходятъ.

Коростылевъ.

Изъ какихъ?

Сенька.

Сказываютъ изъ подъ Можайска. Помѣщика Силоплянина крѣпостные люди, и онъ самъ съ ними за офицера.

Коростылевъ.

Пойдемте взглянуть, что за народъ.

Многіе.

Пойдемте, пойдемте, любопытно.

Сенька.

Сюда пожалуйте, они къ этому боку подходятъ.

Всѣ уходятъ кромѣ Милитецко. Появляется цыганъ Васька.

III.

МИЛИТЕЦКО и ВАСЬКА.

Васька.

Баринъ!.. господинъ!.. шт! шт!.. князь!

Милитецко.

Зачѣмъ ты сюда приходишь? я тебѣ приказалъ ходить во флигель.

Васька.

Добрыя новости, князь; ай какія хорошія новости!

Милитецко.

Что узналъ? говори.

Васька.

Непріятель къ Медынкѣ подошелъ. Знаешь Медынку, пятьдесятъ верстъ отсюда?

Милитецко.

Такъ.

Васька.

Я въ ту сторону на развѣдки бѣгалъ. Вдругъ въ Медынкѣ войско, польскіе уланы Наполеона, большущій полкъ, и разговариваютъ, что Смоленскъ взятъ французами и русскіе отступаютъ. Весь нашъ цыганскій таборъ въ разсыпную, въ лѣсъ побѣжалъ, а я вскочилъ на чью-то лошадь, паслась на лугу,—и скорѣй сюда. Ухъ какъ гналъ. Смотри подохнетъ.

Милитецко.

Отлично. Поѣзжай сейчасъ опять, въ Медынку и проведи улановъ сюда. Скажи полковнику, что у меня здѣсь для французскихъ солдатъ приготовлено восемь амбаровъ провіанта. Чтобы все они брали. Рекомендательное письмо у тебя?

Высыпаетъ золото изъ кошелька на ладонь.

Васька.

Тутъ въ шапку зашито.

Милитецко.

Да осторожно, осторожно!.. Коли русскіе узнаютъ, что мы непріятелю помогаемъ...

Васька.

Спаси Богъ!

Милитецко — даетъ ему деньги.

На дорогу тебѣ. Но чтобъ завтра утромъ уланы были здѣсь.

Входитъ Елена.

IV.

ТѢ-ЖЕ и ЕЛЕНА, — потомъ безъ ВАСЬКИ.

Елена.

Вы заняты?

Милитецко.

Нѣтъ. Это цыганъ, торгуетъ конями. Я заказалъ ему поискать три лошади для экономіи. (Васькѣ.) Ступай, и сегодня же исполни.

Васька уходитъ.

Елена.

Я видѣла, что вы остались, и вернулась, чтобы поговорить съ вами. Скажите, куда вы ѣздили сегодня.

Милитецко.

Вѣдь я уже говорилъ: я ѣздилъ въ уѣздный городъ, для разныхъ комиссій.

Елена.

Вы не обманываете?

Милитецко — обидчиво.

Елена Андреевна.

Елена.

Вы третьяго дня тоже говорили, что ѣздили въ сосѣднюю деревню, а кучеръ потомъ сказалъ, что вы совсѣмъ не туда ѣздили... совсѣмъ въ другую сторону, къ Спасскому монастырю... и тамъ велѣли дожидаться, а сами ускакали верхомъ куда то... и до вечера не возвращались.

Милитецко.

Вы слѣдите за мной?

Елена.

Господи! какъ же вы не понимаете?.. оттого что я люблю васъ... Куда вы ѣздите, когда кругомъ началась война? Васъ могутъ увлечь, заманить;

вѣдь вы и мѣстъ нашихъ хорошенько не знаете... можете заблудиться, попасть въ плѣнъ непріятелю... наконецъ убить васъ могутъ! — въ смутное время за это никто не отвѣчаетъ... Господи! Господи! вы совсѣмъ меня не жалѣете.

Плачетъ.

Милитецко.

Елена, ангелъ Божій... твоя каждая слезинка для меня, какъ драгоцѣнный алмазъ...

Елена.

Отчего ты мнѣ не говоришь, куда ты уѣзжаешь? что затѣваешь? что дѣлаешь?

Милитецко.

Я не хочу безъ надобности тебя тревожить. Я не допущу никакихъ ударовъ несчастья ни тебѣ, ни себѣ. Довѣряйся мнѣ и будь покойна.

Елена.

Какъ быть покойной! ты такой отважный, такой безумный. Ты пріѣхалъ къ намъ, никто тебя не зналъ, но я при первой же встрѣчѣ почувствовала твою власть. Ты два раза поговорилъ со мной и заставилъ полюбить себя. Ты не какъ всѣ люди.

Милитецко.

Я отважный, но не безумный. И теперь еще больше отважный, я знаю, кому дорога моя жизнь,

такой дѣвушкѣ какъ ты... я ни за что въ мірѣ не отниму у себя такое сокровище.

Елена.

И милъ ты мнѣ и страшенъ, — и хочу вѣрить любви твоей и не знаю...

Милитецко.

Ты не знаешь? Ты сомнѣваешься въ моей любви?.. Неужели же и ты, какъ другіе думаешь, что я, — природный князь, извѣстный въ Молдавіи, — я не могъ бы сказать русскому Императору, что всѣмъ пожертвовалъ для Россіи? и получилъ бы высокое положеніе и жалованье. А я остаюсь слугой у твоего отца, у простого дворянина, чтобы быть подлѣ тебя, чтобы защищать тебя. Погоди, дай кончиться войнѣ, я тебѣ докажу; и тогда съ душой спокойной поведу тебя въ церковь, какъ невѣсту... а пока ты должна меня слушать, мнѣ повиноваться и ждать.

Елена.

Я готова ждать, только бы быть увѣренной, что съ тобой ничего дурнаго не случится.

Цѣлуетъ его.

Милитецко — останавливая ее.

Сучья хрустятъ... кто-то тутъ есть.

Оба дѣлаютъ нѣсколько шаговъ. Входитъ Обратимовъ.

V.

МИЛИТЕЦКО, ЕЛЕНА и ОБРАТИМОВЪ.

Обратимовъ.

Еленѣ Андреевнѣ мое почтеніе; Александру Константиновичу.

Милитецко.

А! высокопочитаемый!.. Отчего вы такъ тайно изъ кустовъ выходите?

Обратимовъ.

Сподручнѣе мнѣ было... Впрочемъ что оговариваться,—я подъѣхалъ къ крыльцу, вижу вдали Андрей Петровичъ съ гостями куда то идутъ, а Елены Андреевны нѣтъ... а мнѣ давно хотѣлось съ Еленой Андреевной безъ свидѣтелей поговорить. Я и сообразилъ: вѣрно Елена Андреевна въ саду гдѣ нибудь, пошелъ ихъ искать и вотъ дѣйствительно...

Елена.

Какіе секреты вы можете имѣть ко мнѣ?

Милитецко.

Елена Андреевна, я ухожу... Секретовъ всегда надо слушать, отъ этого еще вреда не бываетъ. Я ухожу почтеннѣйшій, Иванъ Семеновичъ, говорите ваши секреты.

Уходитъ.

VI.

ЕЛЕНА и ОБРАТИМОВЪ.

Обратимовъ.

Прежде всего, Елена Андреевна, я прошу васъ именемъ Бога никому не сказывать, что я вамъ открою. Вамъ извѣстно какъ я вамъ преданъ. Еще ребенкомъ, я васъ на рукахъ носилъ... помните, какъ пожаръ у васъ былъ, я въ огонь бросился, чтобы куклу вашу спасти, потому-что вы плакали... гдѣ могъ, чѣмъ могъ, всегда доказывалъ мою глубочайшую... ну, ребенкомъ вы меня тоже ласкали, любили... ну, теперь другое дѣло: вы большая барышня... конечно.

Елена.

Зачѣмъ всѣ эти лишнія слова?

Обратимовъ.

Вы не думайте, Елена Андреевна, чтобы у меня были какіе нибудь несбыточныя фантазіи... ни капельки... я свое мѣсто знаю: я маленькій дворянинъ, мелкопомѣстный, сосѣдъ вамъ и больше ничего... вы богатая барышня... вы для меня недосягаемое божество... но молиться... молиться и на икону Царицы Небесной не возбраняется даже червю пресмыкающемуся... и если видишь оскорбленіе святыни, вступиться за нее... хоть бы горло перерѣзали, вступиться за нее долженъ всякій.

Елена.

Что за туманныя росказни!—кто меня оскорбляетъ?

ОБРАТИМОВЪ.

Для насъ русскихъ людей, Елена Андреевна, наступила година тяжелая: врагъ заполоняетъ нашу землю, и горя намъ готовится много... Оглядываться надо, оглядываться, Елена Андреевна. Вы приблизили къ себѣ гада, змѣю отогрѣваете.

ЕЛЕНА.

Опомнитесь... что вы говорите... кого же?

ОБРАТИМОВЪ.

Вашего князя. Никакой онъ не князь и не изъ Молдавіи... онъ эмиссаръ Наполеона, онъ шпіонъ... его давить ногой надо, а не волю ему давать.

ЕЛЕНА.

Прочь отсюда! прочь! я не хочу васъ слушать.

ОБРАТИМОВЪ.

Елена Андреевна... оттого что для меня нѣтъ человѣка выше васъ... что за васъ я хоть на пытку пойду, хоть подъ жерло пушечное.

ЕЛЕНА.

Я не виновата, что вы влюблены въ меня, и это не даетъ вамъ права вмѣшиваться въ мою жизнь.

ОБРАТИМОВЪ.

Когда вы не видите, что васъ надо спасти отъ мерзавца.

ЕЛЕНА.

Никто васъ не проситъ. А! Иванъ Семеновичъ! довольно, довольно съ меня. Оттого что я дѣвченкой играла съ вами и вы меня сажали на свою верховую лошадь, вы уже вообразили, что должны быть моимъ менторомъ на всю мою жизнь... разъ навсегда прошу васъ избавить меня отъ вашей любви, она васъ дѣлаетъ слѣпымъ: вы видите, что князь у насъ въ домѣ принятъ хорошо, и изъ ревности клевещете на него... это или безуміе или... подлость.

ОБРАТИМОВЪ.

Спасибо за пощечину, но отъ васъ что хотите, только бы вамъ не было зла... я же вамъ скажу больше. . за нимъ слѣдятъ, за вашимъ княземъ... и когда удостовѣрятся въ подозрѣніяхъ, его вздернутъ на осину.

ЕЛЕНА — внѣ себя.

Такъ и до этого можетъ васъ довести любовь!..

ОБРАТИМОВЪ.

Не я, не я,—оставте. Безъ меня найдутся люди, я самъ случайно узналъ.

ЕЛЕНА.

О да, да... тяжелая година настала для насъ.

Возвращаются: Коростылевъ, Бережухинъ, Пастурина, Сивскій, Милитецко, Заставинъ и другіе.

VII.

ТѢ-ЖЕ, КОРОСТЫЛЕВЪ, БЕРЕЖУХИНЪ, ПАСТУРИНА, СИВСКІЙ, МИЛИТЕЦКО, ЗАСТАВИНЪ и другіе.

Коростылевъ.

Ну войско! нечего сказать... сиволдаи какіе то, курамъ на смѣхъ.

Бережухинъ.

Не говори: они всего три недѣли отъ сохи взяты, а ужъ стройно маршируютъ.

Пастурина.

Какой все народъ здоровый: и такихъ то рабочихъ подъ выстрѣлы подставлять.

Коростылевъ — увидавъ Обратимова.

А! молодой сосѣдушка! что же не въ урочное время пожаловалъ? къ обѣду бы пріѣхалъ.

Обратимовъ.

Поклонъ господамъ дворянамъ. Не такое теперь время, Андрей Петровичъ, чтобы по обѣдамъ ѣздить. Некогда угощаться-то, я къ вамъ по дѣлу.

Коростылевъ.

Что-жъ намъ изъ за Наполеона повсемѣстный постъ на себя наложить?

Обротимовъ.

Не дай Богъ, какъ бы не пришлось подневольно поститься. Что Квашнинъ, Захаръ Кузьмичъ, не бывалъ у васъ сегодня?

Коростылевъ.

Что этому мужику нужно отъ меня?

Обратимовъ.

Не спѣсивься, Андрей Петровичъ. Передъ лицомъ врага, что мужикъ, что первый вельможа, одна стать. А тотъ еще поважнѣй будетъ, кто больше для родины служить согласенъ.

Пастурина.

Онъ кажется мартинистъ!—дворянина съ мужикомъ равняетъ.

Заставинъ.

Охота вамъ Андрей Петровичъ дерзости слушать.

Коростылевъ.

Ты что-жъ? Учить меня пришелъ?

Обратимовъ.

Сорвалось лишнее слово, не взыщи Андрей Петровичъ, не спорить намъ теперь надо...

Входитъ Сенька.

VIII.

ТѢ-ЖЕ и СЕНЬКА, потомъ КВАШНИНЪ и нѣсколько ОПОЛЧЕНЦЕВЪ.

Сенька.

Вашескородіе, однодворецъ Квашнинъ съ мужиками проситъ видѣться.

Коростылевъ.

Пускай сюда идетъ, теперь вѣдь мужикамъ первый почетъ.

Пастурина.

Что только переживаемъ! — вѣкъ бы не повѣрила.

Входитъ Квашнинъ и нѣсколько ополченцевъ, они низко кланяются.

Коростылевъ.

Земно кланяюсь, а ужъ величать какъ, не знаю. Прежде ты Захарка однодворецъ, лапотникъ былъ, а теперь вонъ Иванъ Семеновичъ велитъ вамъ первый почетъ оказывать. Въ какомъ ты теперь чинѣ будешь не знаю: полковникъ, или можетъ тебя прямо генераломъ сдѣлали.

Квашнинъ.

Никакихъ чиновъ у меня нѣтъ, а сотня людей подъ командой, это точно.

Коростылевъ.

Что-же прикажете, сотенный генералъ?

Квашнинъ.

Иванъ Семеновичъ нашъ ротный начальникъ, онъ вамъ не докладывали?

Обратимовъ.

Нѣтъ, я васъ ждалъ. Наше дѣло общественное и рѣшено было всей депутаціей просить.

Коростылевъ.

Такъ это все господа депутаты?

Обратимовъ.

Получено у насъ отношеніе, Андрей Петровичъ, отъ штаба главной арміи, что гдѣ у кого есть склады и запасы хлѣба, чтобы скупать и въ армію доставлять. Такъ вотъ мы пришли васъ просить. У васъ теперь, Андрей Петровичъ, восемь амбаровъ полнымъ полношеньки... уступи ихъ для нашихъ солдатиковъ... да коли милость будетъ подешевле.

Милитецко — быстро.

Теперь намъ невыгодно хлѣбъ продавать, надо выждать.

Квашнинъ.

А ты бы, князь, лучше помолчалъ. Ты вѣдь не

русскій, а Богъ тебя знаетъ, Тьмутараканскій какой то... прикуси языкъ, чтобъ худо не вышло.

Общее легкое волненіе.

Пастугина.

Да онъ грозитъ!.. ахъ шельма...

Коростылевъ — глухо.

Не продамъ я хлѣба, мнѣ не выгодно.

Квашнинъ.

Такъ говорите вашу цѣну. Коли угодно отъ несчастья отечества выгоды получать, вамъ хорошія деньги заплатятъ.

Коростылевъ — вспыливъ.

Ты не смѣй со мной такъ разговаривать! каналья! или я тебя, мерзавца, своими людишками за заборъ вышвырну, не погляжу какой ты тамъ ополченецъ сотенный. Я свою жертву принесъ: когда дворяне смоленскіе рѣшили поставить по десяти человѣкъ съ сотни въ ополченіе, я отъ другихъ не отсталъ: я поставилъ тоже ополченцевъ по десятку съ сотни, своихъ крѣпостныхъ... И не вѣрю, что отъ этого прокъ будетъ, а своихъ рабочихъ отдалъ на войну. Коли арміи хлѣбъ нуженъ, могутъ прямо ко мнѣ офицера прислать, а не тебя, мужика.

Обратимовъ.

Я офицеръ, Андрей Петровичъ, и прихожу по приказу изъ арміи.

За сценой крики: „Пусти! пусти! баринъ, не пущаютъ! пусти!..“

Коростылевъ.

Еще что за крики?.. пусти! кто тамъ?

Входитъ Сенька и мѣщанка Гусакова съ двумя сыновьями.

Сенька.

Иди! нешто я тебя держу.

Уходитъ.

IX.

ТѢ-ЖЕ и ГУСАКОВА съ двумя СЫНОВЬЯМИ.

Гусакова — падая на колѣни.

Милостивецъ! къ тебѣ!.. къ тебѣ!.. помоги! помоги!.. милостивецъ!..

Коростылевъ.

Ты, кажись, мѣщанка Гусакова?.. что тебѣ?..

Гусаковъ-сынъ.

Встань, маменька.

Гусакова — подымаясь.

Вдова... вдова Гусакова, да вотъ два сына у меня... еще на возрастѣ, взгляни... вся тутъ и есть семья моя... къ тебѣ ихъ привела, вразуми ихъ... У насъ теперь въ городишкѣ, самъ знаешь, только и разговору, что о войнѣ... всѣ такъ вихремъ и встаютъ на врага... А какъ дошелъ до насъ манифестъ царя государя ко всему народу русскому, еще пуще того... И вотъ, въ моемъ то сиротствѣ, мои оба сына туда же просятся, на войну, въ ополченіе. Одни они у меня надежа... нешто безъ ихъ мало солдатъ...

Настурина.

Ахъ, ослушники!

Гусакова.

Нѣтъ, матушка, работящіе они, покорные... хотимъ говорятъ за отечество голову сложить... Какъ же мнѣ быть безъ нихъ?.. Была я у батюшки попа, и у исправника; просила уговорить ихъ... такъ всѣ больше молчатъ, а скорѣе еще похваливаютъ за это. Къ тебѣ привела, ты у насъ первый баринъ по уѣзду, и богатый, и знатный, ты про все наслышанъ: какъ война идетъ? на что уповать?.. Можетъ ты моихъ сынишекъ отговоришь.

Коростылевъ.

Не могу я никого отговаривать, — и не стану..., а что горько мнѣ все это видѣть, скажу. Они

думаютъ воевать съ Наполеономъ, все равно что на кулачки биться зимой на льду... У Наполеона каждый полководецъ ученый, умѣетъ и оружіемъ пользоваться, и солдатъ направить... и войска у него со всей Европы втрое больше, чѣмъ у насъ... Гдѣ же намъ съ этимъ сладить? дикая несообразность! даромъ только перебьютъ людей, а все же придется намъ просить постыднаго мира.

Квашнинъ.

Никогда не придется! — и будь тотъ проклятъ человѣкъ, кто первый о мирѣ запроситъ. Велико слово Царя, а онъ обѣщалъ и не заикаться о мирѣ, пока хоть одинъ непріятель съ оружіемъ будетъ въ русской землѣ. Царь знаетъ свой народъ и слово будетъ сдержано. Пущай мы мужики, не умудрились въ дѣлѣ военномъ, какъ злодѣй нашъ Наполеонъ, да мы у себя въ Россіи, мы себя защищаемъ: наши семьи, нашу землю, нашу вѣру православную... пущай насъ застрѣливаютъ, рѣжутъ, грабятъ. . но насъ много: милліоны людей! всѣ одной рѣчью говорятъ, однимъ крестомъ крестятся... насъ цѣлая Русь. Первыхъ убьютъ, другіе останутся... съ рогатиной пойдемъ, съ топорами, а до края дойдетъ, тѣлами нашими мертвыми, какъ горой завалимъ врага.

Крестьяне, Обратимовъ и другіе.

Завалимъ! завалимъ! легче смерть, чѣмъ врагу покориться! мы за Россію Богу отвѣтимъ!...

Квашнинъ — Гусаковой.

Стыдись, старуха! о себѣ ли думать теперь?... молодцы твои ребята! въ ноги имъ поклонись и благослови грудью стоять за родину.

Сенька — вбѣгаетъ.

Баринъ! вашескородіе ..., эстафета отъ капитана-исправника..., спѣшная, говоритъ важная.

Всѣ замираютъ. Коростылевъ вскрываетъ эстафету.

Коростылевъ.

Господа! Смоленскъ взятъ непріятелемъ послѣ кровавой битвы. Наши войска отступаютъ къ Цареву-Займищу.

Голоса.

Боже Всесильный!.. Заступница Небесная! что же это будетъ? и т. п.

Пастурина.

Гришка! Ванька! живо... тарантасъ!... Вѣдь этакъ непріятель скоро и сюда нагрянетъ, оглянуться не успѣешь... хороши наши полководцы защитники.

Коростылевъ.

Да, скорѣй надо уѣзжать... Елена, соберись наскоро. (Слугамъ.) Вели запрягать что есть... всѣ экипажи что въ сараѣ... скорѣй!

Пастурина.

Прощай, Андрей Петровичъ. Я прямо въ Москву, я въ деревню и не заѣду... въ Москву старосту вызову.

Бережухинъ.

А мы еще у себя успѣемъ повернуться... Лошадей!.. Собирайтесь, дѣвушки.

Уходитъ съ дочерьми.

Заставинъ.

И я съ вами.

Уходитъ съ другими.

Елена. — Милитецко.

Князь, я прошу васъ, чтобы и вы съ нами ѣхали.

Пастурина.

Непремѣнно, князь, у меня въ Москвѣ всѣ и остановимся; у меня тамъ свой домъ. Елена, Андрей Петровичъ, всѣ ко мнѣ... На людяхъ-то не такъ страшно.

Уходитъ.

Милитецко.

Мнѣ нельзя уѣхать; необходимо распоряженья сдѣлать имѣніемъ, усадьбой.

Елена — ему тихо.

Ты долженъ ѣхать! тебя подозрѣваютъ шпіономъ Наполеона, тебя убьютъ наши крестьяне.

Милитецко — пораженъ.

Что?

Елена.

Отецъ, проси князя... онъ будетъ насъ оберегать.

Милитецко.

Я поѣду, потому что вы этого хотите... но кто же здѣсь хозяйствомъ займется?

Коростылевъ.

Я останусь. Ступайте, собирайтесь; уѣзжайте сейчасъ же... я васъ дня черезъ два нагоню.

Елена и Милитецко уходятъ.

Квашнинъ — Гусаковой.

Не сокрушайся, старуха, положись на Божье милосердіе... не всѣхъ убиваютъ на войнѣ... а кто и помретъ, такъ царствіе небесное получитъ... (Сыновьямъ Гусаковой.) Эхъ ребятки, и жаль же ее, старуху: слабъ человѣкъ въ испытаніи. Киньте жребій: одинъ на войну иди, другой при ней оставайся.

Гусакова.

Нѣтъ! не надо... не надо... ступайте оба... оба, мои голубчики... ростила я васъ, няньчила... и не чаяла, что на великій трудъ, на спасеніе родины... я клюку возьму, по монастырямъ пойду ходить, угодникамъ русскимъ поклоняться... молить, чтобъ сохранили дѣтокъ нашихъ, землю нашу православную... идите, идите, благословляю обоихъ...

Обратимовъ.

Какъ же съ хлѣбомъ, то Андрей Петровичъ?

Коростылевъ.

Дьяволъ!—еще спрашиваетъ!.. бери... бери даромъ, все бери, скорѣй вези въ войско. Сейчасъ я и подводы свои дамъ и мужиковъ наряжу провожатыхъ. Что я хуже васъ, что ли? и не русской крови?.. Не злобься на меня, Захарка, я тебя давича обругалъ... не вини старика!

Квашнинъ.

Гдѣ ужь злобиться! да и знаю я васъ, Андрей Петровичъ... знаю, какой вы есть человѣкъ.

Коростылевъ—указывая на Обратимова.

Онъ правду сказалъ: передъ лицомъ врага нѣтъ ни великихъ, ни мужиковъ... есть только одинъ народъ русскій...

Квашнинъ.

И онъ побѣдитъ.

Коростылевъ.

Обними меня, Захарка, обними, голубчикъ.

Обнимаетъ Квашнина.

Картина 2-я.

ЦАРЕВО—ЗАЙМИЩЕ.

—

ЛИЦА.

Кутузовъ, князь Михаилъ Илларіоновичъ, главнокомандующій русской арміей.

Барклай-де-Толли, князь Михаилъ Богдановичъ, смѣненный главнокомандующій.

Багратіонъ, князь Петръ Ивановичъ, командующій второй арміей.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, начальникъ штаба первой арміи.

Обратимовъ.

Квашнинъ.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й — офицеры.

Унтеръо-фицеръ.

1-й, 2-й, 3-й — солдаты.

1-й, 2-й — казаки.

Генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, солдаты, казаки, ополченцы, въ селѣ Царево-Займище.

17-го Августа.

Открытое мѣсто въ Царево-Займищѣ. Въ глубинѣ слѣва изба, передъ ней среди зелени офицеры разныхъ полковъ играютъ въ карты. Слѣва на аванъ-сценѣ два солдата лѣниво чинятъ лафетъ. Входитъ 3-й солдатъ съ перевязанной рукой.

3-й солдатъ.

Что, товарищъ, можетъ знаешь, гдѣ третій полкъ остановился, корпуса енерала Дохтурова?

1-й солдатъ.

Не знаемъ, родимый, не знаемъ; всѣ въ разбродъ бредемъ...

3-й солдатъ.

Ахъ, напасть какая!

1-й солдатъ.

Отбился отъ своихъ-то?

3-й солдатъ.

Руку мнѣ подъ Смоленскомъ зашибли; слабъ былъ иттить, крови много вышло... теперь и не найтить мнѣ своего полка.

2-й солдатъ.

А болитъ рука-то?

3-й солдатъ — снимая ранецъ.

Можжитъ, братецъ, страсть какъ... ровно каленымъ желѣзомъ жжетъ.

1-й солдатъ.

Такъ ты бы, непутевый, шелъ скорѣй къ фершалу; онъ те промоетъ да перевяжетъ... помрешь этакъ то, запустивши дѣло.

3-й солдатъ.

Ну и помру, вотъ невидаль... кабы на что еще надобенъ былъ, ну, берегъ бы себя... а такъ-то что? какіе мы солдаты, коли начальство намъ съ врагомъ драться не даетъ? вонъ и Смоленскъ сдали... отступаемъ да отступаемъ, только и радости... ноги-то трепать по полямъ да буеракамъ всяка корява дѣвка можетъ.. срамъ одинъ... ну и помру, легче будетъ... не хочу перевязываться...

1-й солдатъ.

И то правда твоя. Истомились съ эстими переходами... Видимая измѣна!—продали нѣмцы матушку Россію... Какой онъ главнокомандующій, Барклай-де-Толли... нѣмецъ онъ; продаетъ насъ всѣхъ злодѣю—Наполеону... Болтай да и только! вотъ онъ что...

Входятъ четыре казака.

1-й казакъ.

Здорово, отступная команда, гдѣ вашъ командиръ, горе-богатырь?

1-й солдатъ.

Чего лаешься? донская саранча... мы что ли ви-

новаты, что отступаемъ; кабы наша то воля была, мы бы себя показали.

1-й казакъ.

Ну, ну, не злись пѣхтура... Я и самъ съ сердцовъ говорю... чего въ самомъ дѣлѣ главнокомандующій француза боится?.. мы третьяго дня вечеркомъ съ нимъ посчитались... ничего!—затылокъ показывать тоже умѣетъ.

2-й солдатъ.

Стычка у васъ была? гдѣ?

1-й казакъ.

Три раза съ ними дрались...

1-й солдатъ.

Ишь ты вамъ счастье какое. Гдѣ-жъ это?

Нѣсколько солдатъ идутъ съ котлами за водой и останавливаются, прислушиваются.

1-й казакъ.

Одинъ разъ на аванпосты ихъ нагрянули... они съ дуру-то часовыхъ не разставили... мы видимъ огни, близехонько подкрались, спѣшились да какъ грянемъ... троихъ убили, а остальные такого дралова задавать стали, какъ съ ихъ портки не свалились.

2-й казакъ.

И добро свое бросили, какое съ ними было, ранцы.

1-й КАЗАКЪ.

А еще сундукъ; должно енаральскій чей... Богъ ихъ знаетъ зачѣмъ онъ тутъ попался... открываемъ, а тамъ енаральскій мундиръ...

1-й СОЛДАТЪ.

Французскій?

1-й КАЗАКЪ.

Вѣстимо французскій... Такъ у насъ казакъ есть одинъ, Зацѣпинъ... такой шутъ бестія!.. какъ разсвѣло, надѣлъ онъ этотъ французскій мундиръ, енаральскій, да какъ поскачетъ прямо въ ихъ лагерь... подскакалъ, кричитъ: мусью, мусью... выскочили французы изъ палатокъ, дивятся; а онъ имъ высунулъ языкъ: на-те молъ... и назадъ... они и стрѣляли по немъ, да мимо.

Общій смѣхъ, говоръ: Вотъ такъ ловко! молодецъ! ай да казакъ.

2-й КАЗАКЪ.

И ничего, цѣлъ вернулся.

1-й КАЗАКЪ.

Такъ вѣдь вотъ же: не страшнѣй онъ чорта, непріятель-то...

1-й СОЛДАТЪ.

Въ первой намъ что ли? нѣшто мало мы враговъ колотили, при батюшкѣ Суворовѣ?.. назначи-

ли бы главнокомандующимъ его пестунка, князя Багратіона, али Милорадовича... посмотрѣли бы что бы тутъ было... продаютъ насъ нѣмцы...

Голоса.

Измѣна, больше ничего!.. у насъ тоже руки есть. Русскій солдатъ, онъ развѣ отступитъ?... Продали Россію!.. вотъ проклятые...

Входитъ унтеръ-офицеръ.

Унтеръ-офицеръ.

Чего вы тутъ раскалякались? Тамъ кошевары ждутъ воды, а они поставили котлы на земь, да разговариваютъ. Покажутъ вамъ!—маршъ за водой. (Солдаты расходятся.) Ишь переминаются, словно мухи сонныя. Подберись!

1-й солдатъ.

Кому охота подбираться таперича, чтобъ отъ непріятеля улепетывать?.. Пущай насъ скорѣй нагоняетъ, хоть за неволю подеремся.

Унтеръ-офицеръ.

И ты хорошъ. Тебѣ бы примѣръ показывать послушанью-то, старому солдату, а ты туда же... разлѣнился... цѣльный день лафета справить не можешь...

1-й солдатъ.

И не буду справлять:. пропади онъ пропадомъ... Все равно на дорогѣ бросимъ, непріятелю доста-

нется, такъ пущай лучше сломанный... Русакъ не ракъ отступать не любитъ... въ лѣсъ уйти лучше... тьфу!

Уходитъ.

2-й солдатъ — третьему.

Пойдемъ, я тебя къ фершалу сведу.

Оба уходятъ.

1-й казакъ.

Пойдемъ ребятки, тутъ вишь ты како варево, ничего не дознаешься.

Два офицера подошли къ унтеръ-офицеру.

1-й офицеръ.

Что у васъ тутъ за споры?

Унтеръ-офицеръ.

Да что, ваше благородіе, отъ рукъ отбились совсѣмъ... не дождутся сраженья, и слушать ничего не хотятъ... Какъ и взыскивать-то въ самомъ дѣлѣ? у всѣхъ одно на умѣ... не глядѣли бы глаза.

Уходитъ.

1-й офицеръ.

Да, ужъ это отступленіе насъ хуже всякой битвы изводитъ.

2-й офицеръ.

Я слышалъ, Барклая смѣнятъ изъ главнокомандующихъ...

3-й офицеръ — подходя.

Ну, господа, теперь у меня чисто, — все въ банкъ проигралъ; капитанъ меня обобралъ до послѣдней нитки. Я ему проигралъ даже золотое шитье съ мундира.

2-й офицеръ.

Это легкомысленно.

3-й офицеръ.

На что мнѣ оно? я моего мундира и надѣвать не буду... онъ опозоренъ мой мундиръ... я въ немъ, какъ заяцъ на угонкахъ, безстыдно удираю.

1-й офицеръ.

Именно безстыдно. Отъ этого только безпорядокъ и неустройство во всѣхъ частяхъ арміи. Глядѣть тошно.

4-й офицеръ — подходя.

Вы все о томъ-же?

1-й офицеръ.

О чемъ же больше? все идетъ на выворотъ. Гдѣ войска наши отличались храбростью и гдѣ такъ много потеряно, подъ Краснымъ, подъ Смоленскомъ, какую мы имѣли выгоду? на другой день шли все дальше назадъ и раненыхъ бросали... да еще когда мѣсто сраженья оставалось въ нашихъ рукахъ.

4-й офицеръ.

Это такъ долго не можетъ продолжаться, намъ генеральнаго сраженья не миновать.

1-й офицеръ.

И мы будемъ драться, какъ львы. Мы можемъ быть несчастливы, но мы русскіе, мы сумѣемъ умереть; побѣда врагамъ нашимъ достанется плачевною. Солдаты наши остервенѣли ужасно... дай имъ только кинутся на врага.

2-й офицеръ.

Вотъ пріѣдетъ новый главнокомандующій.

4-й офицеръ.

Я тоже слышалъ: Кутузова назначаютъ.

1-й офицеръ.

Хорошо бы, кабы такъ...

Входитъ Ермоловъ и унтеръ-офицеръ.

Унтеръ-офицеръ.

Здѣсь ваше превосходительство... (За сцену.) Идите сюда... маршъ!

Входятъ ополченцы подъ командой Обратимова: въ числѣ ихъ и Квашнинъ.

Обратимовъ.

Стой! (Докладывая.) Вяземскаго уѣзда ополченцы,

ваше превосходительство.... куда опредѣлить прикажете?

Ермоловъ.

Много ли васъ?

Обратимовъ.

Насъ цѣлый полкъ; только мы первымъ взводомъ впередъ пришли: спѣшили обозъ доставить.

Ермоловъ.

Какой обозъ?

Обратимовъ.

Восемь тысячъ пятьсотъ пудовъ ржи, три тысячи ячменя и четыре тысячи восемьсотъ пудовъ овса.

Ермоловъ.

Откуда?

Обратимовъ.

Часть-то отъ помѣщика Коростылева, а часть крестьяне у себя собрали, мѣщане, однодворцы.

Ермоловъ.

По какой цѣнѣ поставляете?

Квашнинъ.

Христосъ съ тобой, ваше превосходительство,

какая тамъ цѣна, коли такое лихо надо всѣми стряслось?.. даромъ жертвуемъ.

Въ глубинѣ появились солдаты, слышенъ ихъ говоръ: ополченцы, землячки наши и т. п.

Ермоловъ.

Честно ребятушки, благородно, родная земля этого не забудетъ... (Квашнину.) Ишь ты бравый какой! кѣмъ будешь?

Квашнинъ.

Однодворецъ, ваше превосходительство... что тамъ о хлѣбѣ думать, когда жизнь отдаемъ... Хлѣбушко выростетъ, Богъ ведро пошлетъ,—только бъ намъ злодѣя нашего сокрушить.

Ермоловъ — адъютанту.

Примите обозъ; мы потомъ распредѣлимъ по полкамъ кому нужнѣе... (Ополченцамъ.) Ну, отдохните пока. Какъ подойдутъ остальные, мнѣ доложить.

2-й солдатъ.

Мужички наши, пряники вяземскіе, сражаться пришли.

1-й солдатъ.

Коли дадутъ сражаться-то.

Ополченцы братаются съ солдатами.

Квашнинъ.

Мы по дорогѣ слышали: Кутузовъ генералъ ѣдетъ, будетъ главнокомандующимъ...

Унтеръ-офицеръ.

Что ты?

2-й офицеръ — Ермолову.

Простите, ваше превосходительство, правда ли говоръ идетъ будто главнокомандующимъ будетъ Кутузовъ?

Ермоловъ.

Правда, господа, правда.

1-й офицеръ.

Высочайшій указъ состоялся?

Ермоловъ.

Мы ждемъ его свѣтлость съ минуты на минуту, онъ ужъ ѣдетъ сюда.

2-й солдатъ — другимъ.

Слышали? Кутузовъ назначается замѣстъ Барклая.

Голоса.

Ой ли! вотъ то любо пойдетъ!.. Михайло Илларіоновичъ!.. вотъ пойдетъ дѣло!.. да вѣрно ли?.. вотъ бы ладно-то!

4-й солдатъ.

Михаилъ Илларіоновичъ!.. Онъ Суворовскій выкормокъ, этотъ отступать не будетъ...

Унтеръ-офицеръ.

Вѣрно ребятушки, вѣрно, и генералъ утвердилъ; мнѣ сейчасъ офицеръ сказалъ... Ужъ ѣдетъ въ армію, сегодня ждутъ его.

2-й солдатъ.

Кутузовъ!..

4-й солдатъ — запѣваетъ.

Дружно братцы грянемъ къ бою!
Не сдавайся, не робѣй!
Слава нашему герою,
Съ нимъ и драться веселѣй...

Всѣ подхватываютъ.

Слава нашему герою,
Не робѣй! не робѣй!...

Со всѣхъ сторонъ вбѣгаютъ солдаты и офицеры.

Голоса.

Что случилось?.. чего развеселились?.. Слышали, Кутузова назначили замѣстъ Барклая?.. рабятушки, я запью, голубчики, запью!.. не пропадемъ таперя!.. подхватывай ребята.

Поютъ.

Слава нашему герою,
Съ нимъ и драться веселѣй!...

1-й казакъ — вбѣгая.

Солдатушки, пріѣхалъ, пріѣхалъ его свѣтлость.

Общій крикъ радости: Кутузовъ пріѣхалъ!

Казакъ.

Самъ видѣлъ, какъ генералы его изъ коляски вынимали...

Унтеръ-офицеръ.

Подберись, ребятки, почистись .. (Одному.) Ты рваный, куда впередъ лѣзешь... ты за людьми прячься, — хорошо ли этакую рвань главнокомандующему видѣть?.. Ступай по палаткамъ, подберись.

2-й солдатъ.

Успѣемъ въ палатки, дай хоть разъ взглянуть то на него, на желаннаго...

Унтеръ-офицеръ.

Гляди, сейчасъ строиться прикажутъ..

3-й офицеръ — 4-му.

Капитанъ, прошу мой карточный долгъ обождать... теперь я мой мундиръ съ золотымъ шитьемъ отдать не могу... онъ мнѣ нуженъ для генеральнаго сраженья... Останусь цѣлъ, все верну съ лихвой, ну, а разнесетъ шальное ядро...

4-й офицеръ.

Вотъ нашелъ часъ балясничать...

Музыка. Появляется Кутузовъ, Барклай-де-Толли, Багратіонъ, Ермоловъ и другіе генералы и офицеры. Музыка смолкаетъ.

Кутузовъ.

Здорово ребята! Богъ помочь!

Солдаты — весело.

Здравія желаемъ, ваше превосходительство!...

Ермоловъ.

Ваша свѣтлость, мы сегодня не ждали вашего пріѣзда, оттого люди не во фронтѣ... Дозвольте имъ немножко почиститься, прибраться,—мы ихъ выстроимъ.

Кутузовъ.

Не надо, не надо... я проѣду по лагерю и этого съ меня довольно. Я хочу только посмотрѣть, здоровы ли мои дѣтки?... Солдату не о щегольствѣ надо думать, а отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ.

Голоса солдатъ.

Веди насъ батюшка, на врага!.. отецъ нашъ! Въ огонь за тобой!.. ваша свѣтлость... зубами за-

грыземъ!.. чего намъ бояться кровь проливать... за Царя, за отечество!.. веди насъ! веди отецъ!..

Кутузовъ — дѣлаетъ знакъ; всѣ смолкаютъ.

Вѣрю вашей преданности, ребята... и государю доложу объ ней. Не посрамимъ земли русской... (Какъ бы про себя.) И какъ можно съ такими то молодцами все отступать...

Багратіонъ.

Съ благоговѣніемъ пріемлю Высочайшую волю Его Императорскаго Величества о назначеніи вашей свѣтлости главнокомандующимъ. Стѣсненныя обстоятельства поставляли меня въ невозможность вполнѣ успѣшно выполнять возложенную на меня обязанность, защищать отечество и его пользу. Даже здоровьемъ я оттого потрясенъ... но настоящее положеніе налагаетъ на меня священную обязанность истощить и послѣднія мои силы...

Кутузовъ.

Спасибо, голубчикъ...

Барклай-де-Толли.

Передаю вашей свѣтлости мои полномочія главнокомандующаго. Всякій вѣрный подданный и ревностный слуга отечества долженъ испытать истинную радость въ такомъ назначеніи... Что касается меня, то и я проникнутъ этой радостью, и желаю только жертвою моей жизни доказать

мое усердіе къ службѣ отечеству, какое бы мѣсто я не занималъ. Простымъ солдатомъ буду драться подъ вашимъ начальствомъ, не жалѣя себя, до послѣдней капли крови... и молю Провидѣніе, чтобъ успѣхъ отвѣчалъ вашимъ намѣреніямъ.

Голоса.

Вотъ такъ нѣмецъ!.. ай, да нѣмецъ!.. молодецъ Барклай!.. онъ драться храбрый... тише, тише, чего загалдѣли.

Ермоловъ.

Смирно! слушайте его свѣтлость...

Кутузовъ.

Вѣрую, друзья мои, въ стойкость вашу и въ вашу рѣшимость отдать жизнь на пользу отечества... Не мы зачали эту войну, а Наполеонъ... даже не предупредивши ворвался въ Россію... „На начинающаго Богъ!“ сказалъ государь... и при Божьей помощи, при вашемъ горячемъ рвеніи, братцы, мы выгонимъ разноплеменныя полчища злого врага... не покушайся никто на землю русскую!.

Ермоловъ.

Смотрите, смотрите... орелъ паритъ надъ главнокомандующимъ.

Кутузовъ снимаетъ фуражку, за нимъ и всѣ остальные.

Кутузовъ.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!.. Побѣда русскому воинству!—самъ Богъ ее предвѣщаетъ.

Всѣ.

Урра!!

Музыка играетъ молитву: „Коль славенъ Богъ".

КАРТИНА.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Картина 3-я.

ВЕЧЕРЪ БОРОДИНСКАГО БОЯ.

ЛИЦА.

Кутузовъ.
Барклай-де-Толли.
Багратіонъ.
Беннигсенъ, графъ Леонтій Леонтьевичъ,—генералъ отъ кавалеріи.
Генералъ Дохтуровъ.
Ермоловъ.
Патрульный офицеръ.
1-й офицеръ.
2-й офицеръ.
Квашнинъ.
Ополченецъ.
Гусакова.
Дмитрій Гусаковъ, ея сынъ.

Подъ Бородинымъ. 25-го Августа.

До поднятія занавѣса слышно нѣсколько ударовъ сильной канонады, звуки трубъ и замирающій барабанный бой. Къ поднятію занавѣса все смолкаетъ.

Лѣсъ.

I.

Пикетъ резерва. Офицеры и солдаты Семеновскаго полка. Всѣ на сторожѣ, прислушиваются.

1-й ОФИЦЕРЪ.

Смолкаетъ... кажется канонада прекратилась.

2-й ОФИЦЕРЪ.

Который часъ?

1-й ОФИЦЕРЪ — взглянувъ на часы.

Половина восьмаго.

2-й ОФИЦЕРЪ.

Съ шести часовъ утра сражаются. Какая страшная бойня... Больше двѣнадцати часовъ убійство, убійство!

1-й ОФИЦЕРЪ.

Да, будетъ памятно Бородинское сраженіе; всему міру будетъ памятно, во вѣки.

2-й ОФИЦЕРЪ.

А мы все въ резервѣ.

1-й ОФИЦЕРЪ.

И въ резервъ непріятельскія ядра залетаютъ; нѣсколько десятковъ человѣкъ побито.

2-й офицеръ.

Даромъ и побито. Такъ бы и побѣжалъ въ огонь! изныла душа.

Входитъ Квашнинъ.

II.

ТѢ-ЖЕ и КВАШНИНЪ, потомъ другіе ополченцы.

Квашнинъ.

Ваше благородіе, записка отъ генерала Ермолова.

Подаетъ.

1-й офицеръ—пробѣжавъ записку и обращаясь ко всѣмъ.

Приказано пройти къ опушкѣ лѣса, на Можайскую дорогу. Въ разсыпную ребята! маршъ!

Солдаты расходятся, входятъ нѣсколько ополченцовъ.

2-й офицеръ—Квашнину.

Все еще бьются? тамъ...

Квашнинъ.

Притомились. Въ пору только раненыхъ носить. Очень ужъ много полегло.

1-й офицеръ—2-му.

Идите скорѣе! можетъ и насъ въ дѣло пустить хотятъ.

Оба уходятъ за солдатами.

III.

КВАШНИНЪ и ополченцы, потомъ ГУСАКОВА.

Квашнинъ—ополченцамъ.

Гдѣ вы запропали? я по васъ третій день справляюсь.

Ополченецъ.

Отстали мы отъ васъ, заплутались; верстъ ровно бы пятьдесятъ въ сторону хватили. Опосля все на пальбу шли: грохотъ далече слышенъ. Тута сраженіе?

Квашнинъ.

Тута у села Бородина.

Вошла Гусакова.

Гусакова.

Захаръ Кузьмичъ, опять все ты мнѣ попадаешься... нигдѣ сынковъ не найду, никто не знаетъ... и ноги не носятъ, силъ нѣтъ.

Присаживается.

Ополченецъ.

Всѣ три дня сражаются?

Квашнинъ.

Довольно и одного. Третьяго то дня онъ только подошелъ къ Бородину, непріятель-то; рванулся

было на насъ, да здорово его поколотили. Семь польскихъ пушекъ отбили малорусскіе кирасиры.

Ополченецъ.

А вчера?

Квашнинъ.

Вчера осѣли. И мы увидѣли, что у злодѣя, войска въ полтора раза больше супротивъ нашего, и врагъ опѣшилъ, не ждалъ такого отпора. Прошелъ день въ передышкѣ, черный день, мрачный... дождикъ моросилъ. У непріятеля себя подбадривали музыкой да пѣснями, а у насъ не то: къ великому дню готовились. Священники ходили по полкамъ съ чудотворной иконой. Ночью всякій получше одѣться спѣшилъ: кто амуницію чистилъ, кто чистую рубаху надѣвалъ. Вторую чарку водки давали, да многіе не брали, не до того: чуяли, что заутра многимъ передъ лицомъ Всевышняго стать придется.

Нѣкоторые ополченцы.

Угодники милостивые! Господи!

Квашнинъ.

И вотъ сегодня утромъ взошло солнышко, яркое Божье солнышко, словно укоромъ по вражьему стану разлилось: зачѣмъ, молъ, вы пришли народъ убивать?.. Грянуло первое ядро и застонала битва. Батареи ревутъ что бѣшеные, и валятъ народъ, валятъ, валятъ, и съ ихъ стороны и съ нашей... Налетитъ конница, хватитъ ее кар-

течью, такъ и отшарахнется, другъ друга давятъ. Въ штыки бросались въ рукопашную... и разъ, и два и снова, и снова. Больше то все на нашъ лѣвый флангъ непріятель кидался, да командывалъ тамъ Суворовскій воинъ, князь Багратіонъ... какъ скала стоялъ, пока его самаго пуля не прострѣлила.

Ополченецъ.

Убитъ князь Багратіонъ?

Квашнинъ.

Раненъ. А будетъ ли живъ, Богу извѣстно. Кровью истекалъ, а все распоряжался. А пуще всего... у насъ батарея на высокомъ холму стояла, Раевскаго; какъ звѣри изъ за этой батареи дрались—то французы одолѣютъ, то мы; и совсѣмъ было они отбили у насъ батарею, только генералъ Ермоловъ увидалъ, какъ наши оттоль бѣжали, собралъ кого случилось, крикнулъ барабанщику: „бей въ штыки! и плѣнныхъ не брать!...“ рванулись наши, отбили батарею. И такъ-то цѣльный день! цѣльный день!... Теперь только, къ вечеру, немного позастыли: силъ чтоли рѣшились, али передъ грудой мертвецовъ головой поникли, совѣсть зазритъ. Остановилась бойня.

Входитъ солдатъ, за нимъ другіе несутъ раненыхъ.

IV.

ТѢ-ЖЕ и СОЛДАТЫ, которые несуть раненыхъ, потомъ вносятъ раненаго ДМИТРІЯ ГУСАКОВА.

Солдатъ.

Что вы безъ дѣла стоите! подсобляй нести раненыхъ. Сюда вонъ, тамъ перевязочное мѣсто.

Ополченцы и Квашнинъ помогаютъ нести раненыхъ; Гусакова къ нимъ присматривается.

Квашнинъ.

Постой ка, ребята, никакъ онъ помираетъ.

Носилки съ Дмитріемъ Гусаковымъ останавливаются; Гусакова бросается къ раненому сыну съ отчаяннымъ крикомъ.

Гусакова.

Митя! Митенька! онъ! мой!.

Квашнинъ.

Узнала. Заговорило материнское сердце.

Дмитрій Гусаковъ.

Мамонька... мамонька... еще привелъ Богъ свидѣться... Помираю, за отечество помираю... а брата при мнѣ ядро убило.

Гусакова.

Оба! оба въ одно сраженіе! въ одинъ день!

Рыдаетъ.

Дмитрій Гусаковъ—слабымъ голосомъ.

Слава Всевышнему...

Забывается.

Квашнинъ.

Несите чтоль!.. забылся, пожалуй ужь ничего не чувствуетъ.

Дмитрія Гусакова уносятъ

Гусакова — внѣ себя.

Куда несете? отдайте? мнѣ отдайте. Господи! Господи!

Съ рыданіемъ слѣдуетъ за сыномъ. Всѣ уходятъ въ ту же сторону. Входятъ Кутузовъ со свитой и Беннигсенъ. имъ навстрѣчу входитъ Ермоловъ съ адъютантами.

V.

КУТУЗОВЪ, БЕННИГСЕНЪ, ЕРМОЛОВЪ, свита КУТУЗОВА, ОФИЦЕРЫ.

Ермоловъ – Кутузову.

Ваша свѣтлость, вы приказали офицеру проѣхать отъ лѣваго фланга до праваго, всѣхъ по-

здравить съ отраженіемъ непріятеля и предварить, что завтра пойдемъ въ атаку...

Кутузовъ.

Какъ войска приняли это извѣстіе?

Ермоловъ.

Съ мужествомъ и радостью, до того солдаты озлоблены на врага за нынѣшній бой. Но мы не можемъ продолжать сраженіе, солдатамъ нуженъ отдыхъ.

Беннигсенъ.

Непріятель отраженъ по всей линіи; наши войска дрались, какъ богатыри.

Ермоловъ.

И умирали, какъ святые мученики. Но Боже мой, Боже! Почти половина арміи выбыла изъ строя убитыми и ранеными.

Беннигсенъ.

Столько же выбыло у Наполеона, и онъ не подвинулся ни на шагъ впередъ.

Ермоловъ.

У него войска больше нашего, и было и осталось; онъ еще не тронулъ двадцати тысячъ своей старой гвардіи, французы отбили у насъ батарею Раевскаго, самый важный пунктъ позиціи.

Входитъ унтеръ-офицеръ и нѣсколько рядовыхъ.

VI.

ТѢ-ЖЕ, УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ и СОЛДАТЫ, потомъ ПАТРУЛЬНЫЙ ОФИЦЕРЪ, позже генералъ ДОХТУРОВЪ.

Беннигсенъ.

Ваша свѣтлость я надѣюсь...

Кутузовъ дѣлаетъ знакъ, чтобъ онъ замолчалъ и обращается къ унтеръ-офицеру.

Кутузовъ.

Что тебѣ?

Унтеръ-офицеръ.

Ваша свѣтлость, по вашему приказу мы перебрались черезъ рѣчку Колочу и осмотрѣли село Бородино. Тамъ непріятеля больше нѣтъ; только въ дальнемъ разстояніи замѣтна кавалерійская цѣпь французовъ.

Беннигсенъ.

Плохо, видно, имъ пришлось, коли не рѣшаются удержать, что завоевали.

Входитъ патрульный офицеръ.

Патрульный офицеръ — представляясь.

Патрульный офицеръ лейбъ гвардіи Измайлов-

скаго полка; честь имѣю донести вашей свѣтлости, что я сейчасъ подъѣзжалъ къ самой батареи Раевскаго и убѣдился, что непріятель покинулъ ее.

Ермоловъ.

Сами бросили батарею! изъ за чего бились множество часовъ, тысячи жизней погибли!..

Кутузовъ.

Поѣдемъ въ главную квартиру, тамъ распорядимся и отпишемъ донесеніе государю.

Патрульный офицеръ — поглядѣвъ за кулисы.

Ваша свѣтлость, его превосходительство, генералъ Дохтуровъ.

Входитъ Дохтуровъ.

Кутузовъ.

Иди ко мнѣ, мой герой, и обними меня (Обнимаетъ его и цѣлуетъ.) Чѣмъ можетъ государь наградить твои заслуги?

Дохтуровъ.

Наши труды еще не кончены, ваша свѣтлость. Сегодняшній день принесъ страшныя бѣдствія арміи. Наше храброе войско не уступало врагу, но и гибло съ нимъ вмѣстѣ. Я сейчасъ объѣзжалъ полки: во второй арміи изъ тридцати пяти тысячъ не осталось и половины; вокругъ батарей, въ овра-

гахъ, въ рѣчкахъ, тѣла нашихъ и французовъ лежатъ грудами. Я видѣлъ полки подъ командой поручиковъ, потому что начальники ихъ перебиты. Въ одномъ мѣстѣ я спросилъ: „какой это полкъ?“— мнѣ отвѣчали: „это вся вторая гренадерская дивизія“.

Ермоловъ.

Господи помилуй.

Входитъ Барклай-де-Толли.

VII.

ТѢ-ЖЕ и БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ, потомъ вносятъ раненаго БАГРАТІОНА.

Барклай-де-Толли.

Я ищу вашу свѣтлость по всему лагерю; вы приказали сдѣлать приготовленіе къ завтрашнему бою...

Кутузовъ.

Я отмѣняю это распоряженіе. Если мы потеряемъ хоть на половину столько солдатъ, сколько потеряли сегодня, Россія останется безъ арміи. Готовьтесь идти къ Москвѣ.

Барклай-де Толли.

Подъ Москвой нѣтъ хорошей позиціи для сраженія; Наполеонъ можетъ легко занять Москву.

Кутузовъ.

Тогда онъ расплывется въ ней, какъ губка въ водѣ, и я буду свободенъ дѣйствовать, какъ хочу. (Глянувъ за кулисы.) Кого это несутъ?

Ермоловъ.

Это кажется раненый князь Багратіонъ.

Барклай-де-Толли.

Такъ слухъ оправдался!... Я не вѣрилъ... отважный даровитый князь раненъ.

Вносятъ раненаго князя Багратіона.

Багратіонъ.

Остановитесь. (Носилки останавливаются.) Это вы, ваша свѣтлость, еще разъ видимся... (Оглядываясь.) и другіе боевые товарищи...

Кутузовъ.

Что ваша рана, князь? вы сильно страдаете?

Багратіонъ.

Что мои страданія передъ страданіями отечества... И всетаки теперь, если не суждено мнѣ выздоровѣть, я умру спокойно. Я видѣлъ великую Бородинскую битву, я видѣлъ великіе подвиги русскихъ солдатъ, русскаго народа. Онъ никогда ни передъ какимъ воителемъ не положитъ оружія, не сдастся въ плѣнъ. До единаго человѣка у всѣхъ

одна мысль: спасеніе родины. Россія погибнуть не можетъ. Дохтуровъ, другъ мой, когда я умру, передай солдатамъ мое благословеніе.. Барклай, твою руку, славный великодушный генералъ! прости меня: когда мы шли по разнымъ дорогамъ, двумя арміями, я не умѣлъ цѣнить тебя, я сердился на тебя, осуждалъ; теперь мы побратались въ огнѣ Бородинскаго боя... я знаю, пять лошадей убито подъ тобой сегодня... Ты не оставлялъ ни на минуту самыхъ опасныхъ мѣстъ... прими мое уваженіе, мою дружбу.

Пожимаетъ Барклаю руку.

Барклай-де-Толли.

Князь выздоравливай, выздоравливай скорѣй, еще дѣла много всѣмъ намъ, мы должны выгнать врага.

Кутузовъ.

Выздоравливай, князь, ты намъ нуженъ, выздоравливай.

Багратіонъ.

Я всегда былъ хорошимъ христіаниномъ... да будетъ воля Господа надо мной.

Картина 4-я.

МОСКВА ПУСТѢЕТЪ.

ЛИЦА.

Ростопчинъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ, — Московскій генералъ-губернаторъ.

Глинка, Сергѣй Николаевичъ, — литераторъ, издатель журнала „Русскій Вѣстникъ", извѣстный патріотъ и народный ораторъ.

Елена Коростылева.

Пастурина.

Мизитецко.

Квашнинъ.

Сенька

Чиновникъ.

Жена его.

Дунька, — крѣпостная Пастуриной.

Чуйка.

1-й, 2-й, 3-й — мѣщане.

1-я, 2-я — женщины.

Горожане Москвы обоего пола.

Открытое мѣсто близъ Китай-города въ Москвѣ. Въ глубинѣ стѣна Китай-города и въ ней ворота, у которыхъ стоятъ нищіе. Нѣсколько горожанъ выходятъ изъ воротъ, подаютъ нищимъ милостыню.

1-я женщина.

Больно ужь мало народа было у заутрени.

1-й мѣщанинъ.

Откуда и быть-то? вся Москва опустѣла.

1-я женщина.

Здѣсь еще что? а вотъ въ Якиманкѣ посмотрѣлъ бы, хоть шаромъ покати, словно все вымерло: стоятъ одни дома, ставни заколочены, паршивой кошки и той нѣтъ.

2-я женщина — выступая.

Дяденька, не знаешь ли, куда корпію нести? у насъ много корпіи припасено: и дѣвки, и малые ребятки, которую недѣлю щиплютъ.

1-й мѣщанинъ — указывая.

Неси туда, видишь крыльцо-то; тамъ примутъ... доктора Лодера спроси.

2-я женщина.

Спасибо, родной.

Уходитъ.

1-я женщина.

Тамъ нѣшто больница?

1-й мѣщанинъ.

Теперь кругомъ все только больницы; навезли послѣ Бородинскаго боя раненыхъ, страсть!

1-я женщина.

Жертвеннички наши, спасители! чѣмъ бы помочь имъ?

1-й мѣщанинъ.

Давай тряпье всякое, коли только чисто вымыто, все надо для перевязокъ.

1-я женщина.

Ой ли!... Ручнички у меня есть новенькіе съ дюжину... Сейчасъ, сейчасъ!

Убѣгаетъ.

1-й мѣщанинъ.

Истинно жертвеннички солдатушки наши.

Расходятся; входитъ Настурина и Елена.

Настурина.

Твое дѣло, сударыня, ты не малый ребенокъ, тебя насильно въ карету не усадишь... А я вотъ помолилась, экипажъ мнѣ сюда подадутъ, только меня и видѣли въ Москвѣ. Съ кѣмъ ты тутъ оста-

нешься?.. французы подходятъ къ Москвѣ, какъ тутъ оставаться?..

Елена.

У меня съ собой тутъ цѣлая челядь дворовыхъ: и нянька, и горничныя и лакеи.

Пастурина.

Ссуди ты мнѣ вашего Сеньку, онъ парень расторопный; мои-то такіе все мужики.

Елена.

Берите, кого хотите, не все мнѣ равно какой лакей мнѣ служитъ. (Входитъ Милитецко.) А! наконецъ-то!

Милитецко.

Простите, опоздалъ въ церковь (Пастуриной.) Ужъ не надѣялся васъ встрѣтить.

Пастурина.

У меня и возъ съ вещами готовъ, и карета сейчасъ сюда подъѣдетъ. Уѣзжаю.

Милитецко.

Зачѣмъ торопиться?

Пастурина.

Какъ зачѣмъ? когда непріятель на носу. Скоро совсѣмъ изъ Москвы не выѣдешь. Я насилу до-

стала лошадей и то триста рублей заплатила, чтобъ только до Рязани довезли. За семьсотъ верстъ триста рублей.

Милитецко.

Ужъ очень всѣ вдругъ перепугались и бѣгутъ, извозчики и вздорожали. А зачѣмъ бѣгутъ? хуже это: только тѣснота да толкотня. Графъ Ростопчинъ каждый день печатаетъ объявленія къ московскимъ жителямъ... Онъ Московскій генералъ-губернаторъ; онъ долженъ знать, какъ стоятъ дѣла и чего бояться. Прочтите, вотъ его послѣднее объявленіе.

Пастурина.

Что жъ онъ тамъ пишетъ?

Милитецко—читаетъ.

Что Кутузовъ Москву до послѣдней капли крови защищать хочетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться.

Пастурина.

Можетъ это Ростопчинъ самъ сочинилъ... ужъ этотъ твой графъ Ростопчинъ, онъ всей суматохи причина... ломается теперь передъ мужиками ровно паяцъ; жизнью клянется, что непріятель не войдетъ въ Москву, а французы уже къ Поклонной горѣ подходятъ.

Милитецко.

Кто это видѣлъ?

Пастурина.

Многіе видѣли. Ко мнѣ лавочникъ сегодня прибѣжалъ, онъ отъ Звенигорода ѣхалъ, чуть было въ плѣнъ не попалъ... Москвичи вѣрили, да вѣрили Ростопчину до послѣдней минуты, а какъ навезли раненыхъ послѣ Бородинскаго сраженья, и пошли горячку пороть, вывозить имущество, да въ подвалы прятать, да въ землю зарывать... теперь когда-жъ успѣть? только бы ноги унести... а все Ростопчинъ.

Милитецко—Еленѣ.

Но вы не уѣзжаете?

Елена.

Нѣтъ. Я все жду отца, надѣюсь, что пріѣдетъ... все никакихъ извѣстій объ немъ... Вы же обѣщали мнѣ, что, когда понадобится экипажъ и лошади, вы достанете.

Милитецко.

Лошади приготовлены.

Пастурина.

Такъ моли Бога, чтобъ у тебя ихъ не отняли...

Вбѣгаютъ Сенька и Федька. Въ глубинѣ собирается постепенно народъ, горожане.

Сенька.

Ваше Сіятельство! барышня, пожалуйте ка сюда!.. тише, чтобъ не прослышали, строго на строго не приказано говорить про это, чтобъ народъ не мутить.

Пастурина.

Еще какая напасть?

Сенька.

Уѣзжайте скорѣе, скорѣе изъ Москвы. По городу слухъ ходитъ: былъ военный совѣтъ въ Филяхъ и генералы рѣшили Москву сдать непріятелю и наши войска увести отсюда.

Пастурина.

Ой, ноги подкашиваются... я говорила... Бѣжимъ, Елена! (Сенькѣ.) Гдѣ карета?

Сенька.

У Страстного монастыря.

Милитецко.

Да что вы его слушаете: ему кто-нибудь совралъ.

Пастурина.

Нѣтъ ужъ спасибо. Веди меня, Ѳедька, къ каретѣ. Сенька, ты мой возъ повезешь на рязанскую дорогу.

Сенька.

Мнѣ никакъ невозможно: я долженъ при барышнѣ оставаться.

Елена.

Слушайся княжны, я тебѣ приказываю; я безъ тебя обойдусь.

Сенька — падая ей въ ноги.

Барышня! ради Господа Бога, не гоните меня отъ себя. Попадетесь непріятелю… я при васъ, я при васъ…

Милитецко.

Расправы захотѣлъ! слушайся, когда приказываютъ.

Сенька.

Что же это будетъ! Создатель небесный!

Уходитъ.

Пастугина.

Прощай Елена! сумасшедшая, что со мной не ѣдешь… Веди, Ѳедька!

Уходитъ съ Ѳедькой. Вошелъ мѣщанинъ и еще нѣсколько человѣкъ народа.

Елена.

Можетъ быть правда я глупо сдѣлала, что не поѣхала съ ней… у меня сердце упадаетъ… вся надежда на тебя… отчего отецъ такъ долго не ѣдетъ сюда.

Милитецко.

Тебѣ не надо выходить на улицу, теперь кругомъ много празднаго народу; глупые крики только смущаютъ. Пойдемъ, я провожу.

Оба уходятъ, вошли 1-я и 2-я женщины.

2-я женщина—мѣщанину.

Куда, онъ сказалъ, нести?.. Дядя, ты еще здѣсь? вотъ они корпія да бинты, куда нести?..

1-й мѣщанинъ.

Вона крыльцо, тамъ скажутъ...

2-я женщина уходитъ. Толпа прибываетъ. Чиновникъ съ женой и ребенкомъ ведетъ козу.

2-й мѣщанинъ.

Баринъ, куда ведешь козу? продай мнѣ, коли на базаръ.

Чиновникъ.

Пошли вонъ! отстаньте.

Жена.

Чего пристали.

Вошелъ чуйка; везетъ ручную телѣгу, наваленную поклажей, на поклажѣ сидитъ старикъ.

Чуйка.

Иванъ Андреевичъ!.. ты что ли?.. а! Иванъ Андреевичъ!

Чиновникъ.

Кто зоветъ?

Жена.

Спиридоновъ... не задерживайте... пойдемъ.

Чиновникъ.

Что же ты на себѣ телѣгу везешь?

Чуйка.

Лошадь увели, родной, а нанять не на что... старика тоже не бросить, родитель, а ходить самъ не можетъ...

Въѣзжаетъ возъ; ведетъ его старикъ; на возу Сенька и Дуня.

2-й мѣщанинъ.

Ого, го, го, го!.. вотъ такъ возъ! что тутъ добра припасено.

1-й мѣщанинъ.

Куда боярскіе холопья бѣжите? али невзгода и на бояръ нашла?

2-й мѣщанинъ.

Въ опасности то Москва никому не мила.

Чиновникъ.

Пропустите, пожалуйста, пропустите...

2-й мѣщанинъ.

Эхъ, нѣтъ у васъ ни стыда, ни совѣсти... Къ Москвѣ врагъ подходитъ, а они бѣгутъ.

1-я и 2-я женщины возвращаются.

1-й мѣщанинъ.

Недалеко разъѣдутся... дай до первой деревни добраться, ихъ мужички примутъ. Вчера одинъ баринъ въ коляскѣ выѣхалъ, а потомъ въ Москву вернулся пѣшій... лошадей у него выпрягли и коляску среди поля кинули.

1-я женщина.

А я слышала, что наживаютъ мужики за одинъ постой да за сѣно съ этихъ бѣгуновъ Московскихъ!

Голоса—среди толкотни.

Измѣнщики, подлецы!.. Такъ имъ и надо, бѣгунамъ... Куда бѣгутъ, трусы окаянные?.. Оставьте! пустите!

1-й мѣщанинъ.

Вишь дѣтина здоровый какой на возъ влѣзъ не чѣмъ бы ему дубину въ руки взять, да за родную землю вступаться, а онъ выѣзжаетъ.

Сенька—соскакиваетъ съ воза.

Ты думаешь не возьму! вотъ те возьму и пойду драться... Уѣзжай, Дуня, одна, я здѣсь останусь... Пущай господа потомъ взыскиваютъ... не стану срамиться.

Голоса.

Ай, молодецъ! вотъ парень... иди съ нами...

Вошелъ Квашнинъ.

Дуня.

Севька; да ты впрямь, что ли?.. какъ же я одна?

Сенька.

Тебя вонъ дѣдъ Афоня свезетъ.

Дуня.

Что-жъ я княжнѣ скажу?

Сенька.

Скажи, что меня, дорогой скрали... французы, молъ, дорогой за ноги, съ воза стащили, очень я имъ полюбился.

Дуня.

Ой, касатики! да гдѣ же корова?.. Корову отъ воза отвязали... какъ я къ барынѣ безъ коровы пріѣду?

1-й мѣщанинъ.

Пущай сама лбомъ бодается, коли отсюда уѣхала.

Сенька.

Трогай!

Возъ уѣзжаетъ.

Квашнинъ.

Оставь, братцы, не мѣшай; пущай уходятъ, кто хошь пущай уходитъ; насъ еще останется довольно вѣрныхъ сыновъ русскихъ.

Голосa.

Ну ихъ къ чорту! Пущай бѣгутъ!.. идите! ну васъ... Трогай!..

Движеніе. Сенька разбѣжался и натыкается на вошедшаго Милитецко.

Сенька—внезапно остановясь.

Баринъ, ваше сіятельство, будь милосливъ, не могу я отседова уйтить.

1-й мѣщанинъ.

Ишь взмолился!.. какой тамъ баринъ? ты за отечество вступаешься.

Сенька.

Ваше сіятельство, милый господинъ, пуще всего барышнѣ не говори; боюсь я, онѣ на меня разсердятся.

1-й мѣщанинъ.

Эхъ голова! врага не боится, а барышни забоялся.

Сенька.

Такъ вѣдь врагъ-отъ чужой, а барышня своя.

Милитецко.

Чего и врага бояться? такіе же люди, какъ мы. Французы мирному человѣку зла не сдѣлаютъ;

1-й мѣщанинъ.

Имъ Бонапартъ прикажетъ, антихристъ-Наполеонъ, такъ они всякаго зарубятъ.

Голоса.

Извѣстно изрубятъ!.. онъ съ чортомъ водится!.. глаза затуманитъ... колдунъ!

Милитецко.

Эхъ, вы, темные невѣжды! Наполеонъ съ солдатами воюетъ; когда же онъ мирныхъ людей билъ?.. Онъ и съ нѣмцами воевалъ и съ итальянцами... противъ войска онъ воинъ страшный, а кто мирно покоряется, онъ не только того не трогаетъ, еще старается лучше что сдѣлать.

Голоса.

Да неужто такъ? не брешетъ-ли баринъ? гдѣ же это видано?

Милитецко.

А не слыхали вы, что Наполеонъ объявилъ: кто ему изъ крѣпостныхъ крестьянъ покорится, тѣмъ крѣпостнымъ онъ всѣмъ волю дастъ.

1-й мѣщанинъ.

Какъ же это можно? государь не позволитъ.

Милитецко.

Какой-же злодѣй захочетъ людямъ волю дать?

Голоса.

Слышите, волю! значитъ господъ-то по шапкѣ.

Входитъ Глинка.

Милитецко.

Сражаться—это дѣло солдатское, а мирнымъ жителямъ только бы жить покойно. Вонъ нѣмцевъ Наполеонъ завоевалъ, такъ тѣ еще этому рады, потому что онъ, Наполеонъ, имъ новое начальство поставилъ, и отъ того начальства имъ жить легче стало, свободы имъ больше стало.

Глинка—выступая.

Никакой свободы!—неправду вы говорите.

Милитецко.

Кто вы?

1-й мѣщанинъ.

Сергѣй Николаевичъ... Это Глинка, господинъ! нашъ первый вожакъ.

Глинка.

Неправду!.. Гдѣ Наполеонъ ступитъ, тамъ грабежъ, гдѣ поставитъ своего начальника, тамъ насильство. Какіе поборы его подлые ставленники-то дѣлаютъ, и съ итальянцевъ, и съ нѣмцевъ, и съ голландцевъ. Онъ себя богатитъ, своихъ генераловъ, да солдатъ. Милліоны золота сыплетъ; свои, что-ли? заработанные? нѣтъ! ограбленные съ народовъ! за все народъ плати.

Голоса.

Вѣрно это, вѣрно! что пустое врать.

Глинка.

Войну затѣваетъ, чтобъ грабить, и грабитъ, чтобъ войну затѣвать. Мирные жители! да пока Наполеонъ живъ, мирныхъ жителей не будетъ на свѣтѣ; всѣхъ заберетъ въ солдаты: вонъ онъ нагналъ на насъ войско, кого тутъ нѣтъ? не одни французы... и голландцы, и нѣмцы, и итальянцы... даже наши братья славяне есть, и тѣхъ повелъ противъ насъ... Что-жъ они охотой что ли идутъ?.. какая имъ нужда раззорять Россію?.. идутъ, потому-что ихъ гонитъ злодѣй нашъ. Вотъ какую свободу онъ даетъ покореннымъ народамъ; намъ такой свободы не надо.

Голоса.

Не надо! не надо!!.

Глинка.

Есть у насъ свои невзгоды всякія, что говорить, да не злодѣю ихъ поправлять... Не надо намъ его свободы, мы сами межъ собой управимся... Одурманилъ Наполеонъ глаза людямъ, безумцы восхваляютъ его славу военную... подлую славу!.. которая слава покрыла кровью всѣ поля Европы и рѣдкую семью не повергла въ трауръ... Намъ глаза не запорошитъ! у насъ онъ сломитъ шею.

Голоса.

Не пустимъ его, не пустимъ!.. ишь ты что выдумалъ. . свобода тоже!..

Квашнинъ.

Да что вы его слушаете... Я этого барина давно знаю; онъ себя за князя Молдаванскаго выдаетъ, а онъ шпіонъ непріятельскій! Хватай его, братцы!

Голоса.

Бери! хватай!

Малитецко—грозя пистолетомъ.

Тронься!—убью на мѣстѣ.

Быстро скрывается.

Голоса.

Бѣжитъ! убѣжалъ... нѣтъ, не уйдешь!.. поймаемъ, поймаемъ!..

Нѣсколько человѣкъ убѣгаетъ. Съ другой стороны вбѣгаетъ новая толпа, нѣкоторые съ топорами, вилами, рогатинами.

Голоса—новой толпы.

Гдѣ непріятель?.. гдѣ непріятель?.. бей его, не жалѣючи живота! . теперь наша воля будетъ...

Квашнинъ.

Тише, тише, не кричите... (Всѣ смолкаютъ.) Чего вы орете?

Глинка.

Какой непріятель? гдѣ вы непріятеля ищете?

3-й мѣщанинъ.

Что тутъ писано!.. отъ нашего графа.

Глинка.

Отъ какого графа?

3-й мѣщанинъ.

Одинъ у насъ графъ... Ростопчинъ... генералъ-губернаторъ! вишь ты онъ что намъ пишетъ!.. На вотъ, читай.

Передаетъ бумагу 1-му мѣщанину, которому подставляютъ скамью; онъ влѣзаетъ на нее.

Голоса.

Читай! читай! что такое?

1-й мѣщанинъ — читаетъ.

Вы, братцы, не смотрите, что присутственныя мѣста закрыли, дѣла прибрать надо; мы своимъ судомъ со злодѣемъ разберемся.

Голоса.

Разберемся! разберемся!

1-й мѣщанинъ — читаетъ.

Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно будетъ молодцовъ, и городскихъ, и деревенскихъ... Я кличъ кликну... хорошо и съ топоромъ, недурно и съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжеле снопа оржаного.

Голоса.

Вотъ мы всѣ здѣсь!.. зови!.. мы покажемъ!..

Глинка.

Это графа Ростопчина объявленіе?

3-й мѣщанинъ — беретъ бумагу.

Теперь наша воля будетъ!.. Расшибай кабаки!.. теперь все равно!.. чего жалѣть!.. бери по лавкамъ кто что хочетъ!..

Голоса.

Гдѣ непріятель? давай непріятеля!.. наша воля тапера!..

Квашнинъ.

Да полно вамъ кричать-то! отъ крика какой толкъ?.. послушайте, вотъ Сергѣй Николаевичъ скажетъ.

1-й мѣщанинъ.

Онъ нашъ настоящій московскій первый ополченецъ!.. говори, Сергѣй Николаевичъ...

2-й мѣщанинъ.

Братцы, нашъ графъ ѣдетъ.

Все смолкаетъ. Графъ Ростопчинъ въѣзжаетъ на дрожкахъ.

Ростопчинъ—вставъ на дрожкахъ.

Братцы, вы знаете, что я все знаю, что въ Москвѣ дѣлается .. а дѣлается что-то неладное, за что и побранить васъ не грѣхъ... Вы мнѣ вѣрить должны и меня слушаться, а у васъ что ни день переполохъ идетъ да неурядица ..

Вводятъ пойманнаго Мялитецко.

Голоса.

Поймали!.. бей его злодѣя!.. катай въ мою голову!..

Ростопчинъ—кричитъ

Не смѣй!.. это мое дѣло.

Глинка.

Оставь, братцы, слушай графа..

1-й мѣщанинъ.

Ваше сіятельство, онъ за Наполеона стоитъ, это шампиньонъ.

Голоса.

Гдѣ непріятель?.. бей его въ топоры!.. вали злодѣя.

Ростопчинъ — становится на сидѣнье дрожекъ.

Молчать!.. (Все стихаетъ.) Вамъ что сказано: коли кого подозрѣваете, за хохолъ да ко мнѣ, а не самимъ распоряжаться... почемъ вы знаете какой онъ тамъ шампиньонъ? можетъ просто мухоморъ... я распоряжусь.

3-й мѣщанинъ

Ты пожалуй и выпустишь его.

Ростопчинъ.

Стыдно братцы!.. что за диковина ста человѣкамъ одного проходимца прибить!.. охота руки марать. Кто на это пускается тотъ при случаѣ за себя не постоитъ... Полицейскіе!.. взять этого франта, запри его на съѣзжей... я ужо спрошу... (Милицейцы уводятъ. Глухой ропотъ въ толпѣ.) Не тѣмъ бы вамъ заниматься, чтобъ шушерамъ глаза подбивать; думайте о томъ, какъ нашу кормилицу, матушку

Москву, защищать. Читали вы книжку про чудо: какъ нашему митрополиту Платону являлся монахъ, обѣщалъ сражаться за насъ... а потомъ исчезъ и свѣтлый слѣдъ по немъ остался?

Голоса.

Читали, Ваше Сіятельство!.. слава въ вышнихъ!... Сергій Преподобный, заступникъ нашъ, это онъ былъ!

Ростопчинъ.

Я сейчасъ только отъ митрополита. Владыка пріѣхалъ въ Успенскій соборъ поклониться московскимъ угодникамъ... просилъ мнѣ сказать вамъ, что защитникамъ Москвы шлетъ свое благословеніе... и помнили бы они: чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, Россію одолжить и Наполеону насолить, должно имѣть послушаніе, вѣру къ словамъ начальниковъ; а начальники рады съ вами и жить и умереть... пошла туча, да мы ее отдуемъ... Владыка по старости лѣтъ своихъ не въ силахъ самъ говорить съ вами, но взволнованный, скорбящій, просилъ меня васъ убѣдить, чтобъ не волновались вы, покорились волѣ Божьей, довѣрились начальникамъ, а онъ, владыка, за васъ молиться будетъ... Такъ вотъ, братцы, коли вы внемлете слову нашего архипастыря, пускай всѣ, кто обѣщаетъ повиноваться становится на колѣна!.. (Вся толпа падаетъ на колѣна.) Ладно, братцы!.. коль скоро поко-

ряетесь вы волѣ императора и голосу почтеннаго святителя, объявляю вамъ милость государя: въ доказательство того, что васъ не выдадутъ безоружными непріятелю, государь вамъ позволяетъ разбирать арсеналъ.

Толпа встаетъ

Голоса.

Благодаримъ, благодаримъ покорно .. Многи лѣта государю!.. Разбирай ружья! бери, что хочешь!.. саблю мнѣ!..

Ростопчинъ.

Постойте: соблюдай порядокъ: входи въ Никольскія ворота, а выходи въ Троицкія. . я прикажу отперeть арсеналъ. Бери кто что хочетъ... и иди со крестомъ да съ хоругвіями; собирайтесь на трехъ горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! вѣчная память, кто мертвый ляжетъ! горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!

Голоса.

Истребимъ злодѣя... Слава въ вышнихъ! въ арсеналъ, въ арсеналъ, ребята... даромъ ружья!.. Многи лѣта царю государю. Въ арсеналъ!..

Крикъ, шумъ, толпа разбѣгается.

Картина 5-я *).

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ РОСТОПЧИНЪ.

ЛИЦА.

Ростопчинъ.
Барклай-де-Толли. [illegible]
Глинка.
Елена Коростылева.
Сынъ Ростопчина—офицеръ юноша.
Брокеръ полицеймейстеръ.
Проходящіе за сценой солдаты.

Въ Москвѣ, въ домѣ Ростопчина
2-го Сентября.

I.

БРОКЕРЪ, потомъ РОСТОПЧИНЪ.

За сценой слышны крики:
ура! входитъ Ростопчинъ.

Ростопчинъ.

Что это кричатъ?

---

*) При исполненіи на сценѣ, эта картина выпускается.

Брокеръ.

Батальонъ солдатъ увидалъ генерала Барклая-де-Толли и привѣтствуетъ его.

Ростопчинъ.

Солдаты ужъ проходятъ?

Брокеръ.

Генералъ слѣзъ съ коня; онъ вѣрно къ вамъ.

Ростопчинъ.

Барклай?..

Идетъ къ двери, входитъ Барклай-де-Толли. Брокеръ уходитъ.

II.

РОСТОПЧИНЪ и БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ.

Барклай-де-Толли.

Радъ, что я засталъ васъ дома, графъ. Я къ вамъ съ просьбой.

Ростопчинъ.

Я весь всегда къ вашимъ услугамъ, генералъ. Но прежде всего позвольте мнѣ отъ всей души порадоваться, что наконецъ васъ оцѣнили по достоинству... Сейчасъ я слышалъ, какъ солдаты вамъ кри-

чали ура... тѣ же солдаты, которые прежде роптали на васъ, признаютъ васъ героемъ; исторія запишетъ это на своихъ скрижаляхъ...

Барклай-де-Толли—садясь.

Дайте мнѣ сѣсть, я немножко усталъ.

Ростопчинъ.

Вы дрожите, генералъ? вы нездоровы?

Барклай-де-Толли.

Да. Лихорадка привязалась, и особенно не кстати, когда необходимо распорядиться проходомъ войскъ чрезъ Москву.

Ростопчинъ.

Итакъ оно свершилось! дѣло рѣшено... Москву защищать не будутъ и отдадутъ врагу безъ боя.

Барклай-де-Толли.

Слава Богу,—да. Если-бъ сдѣлали такую глупость, дали бы сраженіе подъ Москвой, я желалъ бы только одного: быть убитымъ. Беннигсенъ выбралъ ужасную позицію, наша армія была бы здѣсь погребена.

Ростопчинъ.

Но онъ хитрая лисица, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ: онъ слѣдуетъ вашей тактикѣ, отступаетъ, а

отвѣтственность за оставленіе Москвы сваливаетъ на другихъ... нарочно для того собралъ военный совѣтъ въ Филяхъ.

Барклай-де-Толли.

Отвѣтственность все таки на главнокомандующемъ; и я завидую этой отвѣтственности: Кутузовъ, оставляя Москву, спасаетъ армію и вмѣстѣ съ ней всю Россію.

Ростопчинъ.

Зачѣмъ же онъ держалъ насъ, Москвичей, въ постоянной надеждѣ, что не допуститъ занятія Москвы непріятелемъ?.. Не оправдывайте его, генералъ. Я знаю что такое Кутузовъ; я ѣздилъ къ нему въ лагерь, онъ принялъ меня, какъ мальчишку... говорилъ всякую чепуху: что дастъ сраженіе подъ Москвой, что пойдетъ на Тверь... онъ явно издѣвался надо мной... и за что такое презрѣнье?.. за то, что, когда французскій корпусъ обошелъ его у Звенигорода и онъ потребовалъ, чтобъ я ему послалъ на помощь московскую дружину, у меня никакой дружины не было... Вѣдь это шутовство! московское ополченіе давно ужъ было при немъ; какую дружину я могъ послать?

Барклай-де-Толли.

Какъ, графъ, развѣ вы не помните, что сами обѣщали сформировать восемьдесять тысячъ добровольцевъ изъ московскихъ жителей?

Ростопчинъ.

Я кликнулъ кличъ, но вышелъ вздоръ. Какая-то дама предлагала составить полкъ амазонокъ... Два десятка актеровъ хотѣли вооружиться... чѣмъ? деревянными мечами что ли?.. хорошо войско!.. откуда мнѣ было взять дружину въ восемьдесятъ тысячъ?

Барклай-де-Толли.

Но вы ее съ увѣренностью обѣщали главнокомандующему, онъ могъ разсчитывать на это войско. Вы его ввели въ заблужденіе.

Ростопчинъ.

Я дѣйствовалъ со всей моей энергіей,—не удалось!.. Нельзя винить за энергію!

Барклай-де-Толли.

Энергія требуетъ смѣлости и рѣшительности, но не допускаетъ увлеченій и торопливости. Кто суетится, тотъ легко можетъ напутать.

Ростопчинъ.

Такъ и вы меня осуждаете, генералъ?.. вы? вы, кого я уважаю больше всѣхъ въ арміи?

Барклай-де-Толли.

Оставимъ это, графъ. Мнѣ некогда... Я заѣхалъ вотъ зачѣмъ: вы отрядили въ армію нѣсколько московскихъ полицейскихъ, чтобы провести чрезъ

Москву полки со Смоленской дороги на Рязанскую. Я распоряжаюсь этимъ передвиженіемъ. Я бы хотѣлъ имѣть при себѣ специальнаго офицера, хорошо знающаго всѣ улицы Москвы. Не можете ли вы...

Ростопчинъ—въ двери.

Полковникъ Брокеръ. (Входитъ Брокеръ.) Садитесь на лошадь и оставайтесь при генералѣ, пока онъ васъ не отпуститъ.

III.

ТѢ-ЖЕ и БРОКЕРЪ, потомъ СЫНЪ РОСТОПЧИНА, позже ГЛИНКА.

Барклай-де-Толли.

Благодарю васъ... до свиданья... Графъ, нашъ долгъ служить вѣрно отечеству, а какія ошибки кто изъ насъ дѣлаетъ, пускай судятъ другіе.

Ростопчинъ.

Мы возобновимъ этотъ разговоръ, когда нибудь, если еще придется намъ встрѣтиться. (Барклай-де-Толли и Брокеръ уходятъ.) Ошибки! — какія ошибки? (Входитъ сынъ его.) Гдѣ ты былъ?

Сынъ.

Я ходилъ еще разъ посмотрѣть на мою мать и сестеръ... Я не засталъ ихъ въ Москвѣ, но въ

спальнѣ ихъ портреты... я долго смотрѣлъ на эти портреты, чтобы крѣпче въ памяти они остались. Я сейчасъ уѣзжаю въ армію.

Ростопчинъ.

Но вѣдь ты раненъ, твоя контузія...

Сынъ.

Побаливаетъ немного; это ничего... въ арміи есть болѣе тяжело раненые, чѣмъ я, но они не оставляютъ строя.

Входитъ Глинка.

Глинка.

Простите, ваше сіятельство, я долженъ вамъ это доложить: на краю Москвы, на трехъ горахъ собрался народъ съ оружіемъ и ждетъ васъ.

Ростопчинъ.

Ничего изъ этого не выйдетъ! Наши войска уже проходятъ чрезъ Москву и вѣроятно завтра же войдетъ въ нее непріятель.

Глинка.

Какъ же графъ? Вы сами обѣщали жителямъ, что будете предводительствовать ими.

Ростопчинъ.

Вы лучше всякаго другого знаете, милый Сергѣй Николаевичъ, что теперь дѣлается въ Москвѣ. Бро-

дяжный народъ разбиваетъ кабаки, напивается пьянымъ. Никакія строгія мѣры теперь ужъ не остановятъ толпы отъ безчинства. Призваніемъ на три горы я далъ ей отхлынуть въ порывѣ патріотизма.

Глинка.

Но полки Наполеона всѣхъ ихъ разстрѣляютъ.

Ростопчинъ.

Народъ разбѣжится при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ... и это вразумитъ крестьянъ, что имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву.

Глинка.

Я сегодня отправляю свое семейство.

Ростопчинъ.

Я своихъ уже отправилъ. Сергѣй Николаевичъ, будемъ говорить, какъ сыны отечества... Москва будетъ сдана; что вы думаете объ этомъ?

Глинка.

Вамъ извѣстно, что я отважился объявить это еще пятнадцатаго іюля,—когда здѣсь Государь принималъ дворянъ, когда еще никто не ждалъ этого.

Ростопчинъ—вынимая изъ стола деньги.

Простимся же, дорогой мой, Государю извѣстно, что вы всѣмъ жертвовали и все отдали. Вотъ вамъ на дорогу для вашего семейства.

Глинка.

Я не возьму денегъ. Мнѣ было бы стыдно взять ихъ въ настоящее время, когда всякій нищій крестьянинъ отдаетъ все свое достояніе на спасеніе родины.

Ростопчинъ.

Вы честнѣйшій человѣкъ, Сергѣй Николаевичъ, безкорыстный. Правительство видѣло вашъ патріотическій горячій нравъ и разрѣшило вамъ израсходовать триста тысячъ рублей на патріотическую агитацію, но вы не взяли ничего, вы даже своими средствами жертвовали... вы по искренному рвенію дѣйствовали на толпу, какъ талантливый писатель и народный ораторъ, и перомъ, и словомъ; вы много помогли для поднятія духа народнаго.. я уважаю васъ и ваше слово мнѣ дорого.

Глинка.

Спасибо вамъ, ваше сіятельство.

Ростопчинъ.

Вашу руку... Войдетъ непріятель въ Москву и мои полномочія генералъ-губернатора кончатся до того времени, когда его выгонятъ отсюда... Скажите же тутъ, передъ лицомъ моего сына: вы видѣли всю мою дѣятельность. Скажите... правъ ли я былъ во всей моей работѣ?

Глинка.

Ваше сіятельство...

Ростопчинъ.

Я сейчасъ выдержалъ тяжелую минуту упрека за мои ошибки отъ человѣка мной уважаемаго... я знаю, найдутся и другіе, будутъ порочить меня... вы живой свидѣтель и самый безкорыстный, потому что, пока я васъ не зналъ, я даже преслѣдовалъ васъ, держалъ подъ надзоромъ полиціи... вы свидѣтель, что я клалъ всю мою душу на благо отечества... Мы живемъ въ страшное время: на западѣ только что угасла революція и оставила свои слѣды во всѣхъ обществахъ; Мартинисты, подъ покровомъ благотворительности, проповѣдуютъ зажигательныя идеи революціи; Наполеонъ своей славой увлекалъ даже въ Россіи слабыя сердца... Война съ французами началась, и тутъ я былъ призванъ управлять Москвой... Я долженъ былъ обо всемъ думать, всюду поспѣвать: слѣдить за шпіонами, подговаривавшими простой народъ, прислушиваться къ говору народа, къ проповѣдямъ мартинистовъ... заготовлять для арміи провіантъ, инструменты, амуницію... возбуждать духъ патріотизма... вы видѣли, какъ въ этой комнатѣ толпились люди всѣхъ сословій и я всѣхъ удовлетворялъ... Двадцать три дня я не ложился спать въ постель, я спалъ одѣтый на диванѣ; меня будили, чтобъ говорить съ курьерами... а событія шли быстро, и Наполеонъ подъ Москвой. Я едва успѣлъ вывезти московскія святыни и то не всѣ... мнѣ пришлось порохъ бросить въ рѣку... Господи, я дѣлалъ все, что въ силахъ одному человѣку... Ошибки! ошибки!.. если я дѣлалъ ошибки, такъ от-

того что я неутомимо работалъ... если я увлекался, такъ потому, что вѣрую въ Бога и въ силу Россіи.

Глинка.

Графъ, когда мы можемъ сказать что мы чисты передъ своей совѣстью, больше намъ ничего не нужно.

Ростопчинъ.

Правда. И я не остановлюсь жертвовать и собой и всѣмъ, что я имѣю... Я не увезу ничего изъ этого моего московскаго дома, пускай не упрекаютъ меня Москвичи, что они изъ за меня не успѣли вывезти свое добро... Я поѣду на Калужскую дорогу, куда можетъ погнаться за нами непріятель и собственноручно сожгу тамъ мое село Вороново... и я бы желалъ, чтобъ вся Москва послѣдовала моему примѣру.

Глинка.

Сжечь Москву?

Ростопчинъ.

И похоронить въ ней Наполеона.

Входитъ слуга.

IV.

РОСТОПЧИНЪ, СЫНЪ ЕГО, ГЛИНКА и СЛУГА.

Слуга.

Ваше сіятельство, одна дама очень просится видѣть васъ... плачутъ...

Ростопчинъ.

Впусти. (Слуга уходитъ.) Видите, даже въ послѣднія минуты я долженъ выслушивать частныя дѣла... а что я могу теперь?..

Входитъ Елена.

V.

РОСТОПЧИНЪ, СЫНЪ ЕГО, ГЛИНКА и ЕЛЕНА, потомъ СОЛДАТЫ за сценой, въ окнахъ.

Елена.

Милосердіе, графъ, милосердіе!.. Вы арестовали сегодня совершенно невиннаго человѣка, его приняли за шпіона... это неправда, я ручаюсь вамъ... его могутъ случайно убить въ теперешней сумятицѣ...

Ростопчинъ.

Про кого вы говорите?.. кто вы?

Елена.

Я дворянка Смоленской губерніи, я пріѣхала въ Москву съ прислугой и другомъ нашего дома, молдаванскимъ княземъ Милитецко. Мы долго ждали моего отца... и сегодня на Красной площади князя арестовали.

Глинка.

Это вѣрно тотъ, съ которымъ я сегодня спорилъ.

Елена.

Онъ не шпіонъ, клянусь вамъ, онъ много добра сдѣлалъ и моему отцу и мнѣ. Я докажу; отпустите его, графъ.

Ростопчинъ—садится и пишетъ.

Гдѣ же онъ содержится?

Елена.

Я не знаю, въ полиціи гдѣ-то.

Ростопчинъ.

Бѣдная моя... Мнѣ неизвѣстны причины, почему вы такъ вступаетесь за этого господина, но мой совѣтъ, позаботится о себѣ, а не о немъ. Вотъ вамъ записка, ищите сами въ какомъ съѣзжемъ домѣ онъ заключенъ... Предупреждаю однако: можетъ быть его уже не охраняютъ, и онъ самъ ушелъ... Теперь вамъ не до арестантовъ. Завтра Москвой будетъ распоряжаться Наполеонъ.

За сценой шумъ. Въ окнахъ видны проходящіе солдаты.

Елена.

Что за шумъ?

Глинка.

Наши войска проходятъ чрезъ Москву, чтобы отступить на Рязанскую дорогу.

Елена.

Творецъ всемогущій! только бы не было поздно.

Убѣгаетъ.

Ростопчинъ.

Даже не поблагодарила, несчастная... сгоритъ, какъ мотылекъ на свѣчкѣ.

Глинка.

Ваше сіятельство, если не стѣснитъ васъ, прикажите мнѣ дать дрожки... Москва пуста, а мнѣ до дома далеко.

Ростопчинъ.

Хорошо.

Глинка—глядя въ окно.

Уходятъ, уходятъ наши солдатики... Томятся ихъ душеньки подъ сѣрой шинелью... Прощай, наша матушка, бѣлокаменная Москва... прощай колыбель православія... прощай многострадальная, ты, скорбящее сердце Россіи. Много, много уже выстрадала ты за святую Русь, и теперь снова тебя приносятъ въ жертву за наше спасеніе... Прощай, прощай, прощай!

Падаетъ, рыдая, на колѣна. Ростопчинъ плачетъ на груди сына.

Картина.

———

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Картина 6-я.

МОСКВА ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТІЯ ЕЯ НАПОЛЕОНОМЪ.

ЛИЦА.

Наполеонъ.
Елена Коростылева.
Обратимовъ.
Квашнинъ.
Гусакова.
Сенька.
Милитецко.
1-ый, 2-ой — мѣщане.
Дворникъ.
1-ый, 2-ой — крестьяне.
Французъ, драгунъ.
1-ый, 2-ой — французскіе солдаты.
1-ый, 2-ой — вестфальскіе уланы.
Мавра—крестьянка.

Свита Наполеона, разноплеменные солдаты, драгуны, вестфальскіе уланы и проч.

Улица въ Москвѣ. Слѣва обгорѣлая стѣна каменнаго дома съ другими обломками, среди которыхъ можно спрятаться, на аванъ-сценѣ развалины подвала съ выходомъ. За нимъ срубъ начатой стройки, церковная паперть. Въ глубинѣ, дома частью въ развалинахъ.

На сценѣ 1-й мѣщанинъ. Входитъ 2-й мѣщанинъ.

I.

1-й и 2-й МѢЩАНЕ.

2-й мѣщанинъ.

Дяденька, нѣтъ ли чего поѣсть? Помираю съ голоду.

1-й мѣщанинъ.

Самъ, братецъ мой, сутки не жевалъ. А ты попей водицы, оно легчитъ. Что набито, что налито, все равно.

2-й мѣщанинъ.

Пробовалъ, родной, и спать пробовалъ, ничего не беретъ. Мука мученическая, такъ животъ и крючитъ. И зачѣмъ мы здѣсь въ Москвѣ остались?— во время-бы уйти. Отнялъ Богъ разумъ: видимъ, что непріятельскія войска городъ занимаютъ, тутъ бы и бѣжать, нѣтъ остались, понадѣялись на него, на нехриста... Нѣшто во вражьемъ станѣ можно жить?

1-й мѣщанинъ.

Ничего, проживемъ. И его солдатамъ у насъ въ Москвѣ тоже не малина, тоже брюхо-то подвело. Они думали въ Москву-то придутъ, имъ тутъ булочныя, да трактиры готовы, анъ нѣтъ ничего. Грызи дома, да мостовую, коли скусно.

2-й мѣщанинъ.

Чего они не уходятъ? живутъ мѣсяцъ цѣльный.

1-й мѣщанинъ.

Куда уйти-то? кругомъ Москвы, чай, русскія войска, податься некуда.

2-й мѣщанинъ.

Такъ хоть бы насъ отсюда отпустили, я бы ушелъ. Не выпущаютъ, вездѣ солдаты наставлены. Сунься, такъ и подстрѣлятъ. Чего насъ тутъ держать?

1-й мѣщанинъ.

Для прислуги, поноски за ними носить. Меня два раза гоняли кули картофеля таскать съ Яузы на Кузнецкій мостъ. Я ужъ сталъ мертвымъ притворяться... да вѣдь прикладами канальи бьютъ, оживешь поневолѣ.

Входятъ Квашнинъ и Обратимовъ.

II.

ТѢ-ЖЕ, КВАШНИНЪ и ОБРАТИМОВЪ.

2-й мѣщанинъ.

Хозяинъ, покорми чѣмъ-нибудь, Христа ради; страсть проголодался. Три дня не ѣлъ. Вчера обглоданную кость укралъ на кухнѣ у офицера ихняго, только и было.

Квашнинъ.

Ступай ты, болѣзный мой, на Москву рѣку, тамъ за каменнымъ мостомъ барки стоятъ обгорѣлыя, съ зерномъ, съ пшеницей... она пшеница тоже обгорѣла, горьковата и дымомъ отдаетъ, французы ее и не берутъ, а намъ сходитъ.

2-й мѣщанинъ.

Ой-ли! пойду вѣдь. Спасибо, что надоумилъ (1-му мѣщанину.) Пойдемъ, братъ.

1-й мѣщанинъ.

Пойдемъ.

III.

ОБРАТИМОВЪ и КВАШНИНЪ, потомъ 1-й МѢЩАНИНЪ ФРАНЦУЗЪ-ДРАГУНЪ, позже два солдата съ лошадьми.

Обратимовъ.

Ужъ какъ я радъ, Захаръ, что тебя встрѣтилъ

Квашнинъ.

Отойдемте ка сюда въ уголокъ, чтобы насъ не видно было, коли кто по улицѣ пойдетъ.

Обратимовъ.

Какъ ты попалъ сюда?

Квашнинъ.

Въ сосѣдней деревнѣ на французскій отрядъ наткнулись. Насъ троихъ сюда въ плѣнъ забрали. Да еще добро, что не въ ополченской формѣ, а въ тулупахъ; оттого на волю пустили въ городѣ.

За сценой крики 1-го мѣщанина: пардонъ! пардонъ!.. онъ вбѣгаетъ на сцену, за нимъ французъ-драгунъ.

Французъ-драгунъ—схватывая его за плечо.

Arrêtez!

1-й мѣщанинъ.

Пардонъ.

Французъ-драгунъ.

Ah, que tu et bête! assis, imbécile!

Сажаетъ его, осматриваетъ его сапоги и начинаетъ ихъ снимать.

Квашнинъ.

Что онъ ему сказалъ?

Обратимовъ.

Дуракомъ назвалъ.

Квашнинъ.

Насъ трое, онъ одинъ... Тутъ-бы ему карачунъ.

Обратимовъ.

Какъ?

Квашнинъ.

Хватитъ камнемъ по головѣ и готово дѣло.

Обратимовъ.

Что ты? Захаръ... изъ-за угла?... Ты не убійца.

Квашнинъ.

Здѣсь теперь не разберешь, кто благодѣтель, кто убійца... они же это сдѣлали.

Французъ-драгунъ надѣлъ сапоги мѣщанина, сбросивъ ему дырявые башмаки.

1-й мѣщанинъ.

Вотъ ты чего хотѣлъ! мои сапоги отнять; такъ-бы и говорилъ. Я думалъ, ты меня зарубить хочешь.

Французъ-драгунъ — *осматриваетъ на себѣ сапоги, смѣется.*

Bon!

1-й мѣщанинъ.

Бери, чортъ съ тобой, щеголяй въ моихъ сапогахъ... ты бы мнѣ за это хоть бы что далъ поѣсть... манже! манже!

Показываетъ жестомъ, что хочетъ ѣсть.

Французъ-драгунъ.

Tu as faim? mais moi aussi, je n'ai rien... Attends...

Роется въ мѣшкѣ и вынимаетъ изюмъ, завернутый въ бумагѣ.

1-й мѣщанинъ — *беретъ въ руки свертокъ.*

Что это? — изюмъ?.. гдѣ-нибудь въ разбитой бакалейной взялъ. Что-жъ ты мнѣ это суешь? дразнить хочешь?.. ты думаешь я тебѣ отдамъ... Стрѣляй теперь, а я ужъ не отдамъ.

Быстро убѣгаетъ. Французъ-драгунъ смѣется, еще разъ смотритъ на сапоги, говоритъ bon! и уходитъ смѣясь.

Обратимовъ.

Вишь ты, онъ ему за сапоги-то еще изюмомъ заплатилъ, а ты его убить хотѣлъ.

Квашнинъ.

Да вы давно ли въ Москвѣ?

Обратимовъ.

Вчера только вошелъ.

Квашнинъ.

Вотъ вы приглядитесь, что здѣсь дѣлается, такъ поймете... Зачѣмъ вы пришли? вѣдь вы въ самую пасть геенны забрались, врагу въ лапы сами влѣзли.

Обратимовъ.

А ты почему не стараешься убѣжать изъ пекла?

Квашнинъ.

Никакъ не урваться, потому каждый день я здѣсь какой-нибудь душѣ православной помогаю.

Обратимовъ.

Я того же хочу.

Квашнинъ.

Вамъ всего не вынести, что мы тутъ выносимъ, съ тѣхъ поръ, какъ непріятель въ Москвѣ сидитъ. Вы вонъ видѣли только какъ французъ сапоги отнялъ, такъ это пустяки... да еще французы лучше другихъ, добрѣе... вѣдь тутъ всякій сбродъ наведенъ; вестфальцы, поляки, итальянцы...

Обратимовъ.

Я слышалъ обо всемъ, но именно оттого-то...

Кзашнинъ.

Какъ ворвались они сюда, словно ошалѣлые стали... бросились по домамъ грабить всякое добро, разожглась ихъ жадность, тутъ ужъ удержу не знаютъ ни въ чемъ: чего взять не могутъ, бьютъ, ломаютъ... зеркала, посуду дорогую, мебель, безъ нужды, все прахомъ летитъ... и не чувствуютъ, что ничего они отсюда не унесутъ, все пропадетъ вмѣстѣ съ ними.

Обратимовъ.

И Наполеонъ позволяетъ этотъ грабежъ?

Квашнинъ.

Наполеонъ!—да онъ первый разбойникъ и есть... онъ еще такъ приказалъ, чтобы не всѣ сразу вдругъ грабили, пожалуй съ жадности другъ друга рѣзать станутъ, а по полкамъ... У нихъ назначено какому полку въ какой день грабить позволено; они это называютъ пополнить необходимыя вещи... такъ теперь они разошлись во всю, потому не тайкомъ дѣлается, а самъ ихъ императоръ дозволилъ. (Изъ церкви солдаты выводятъ двухъ лошадей.) Смотрите, смотрите... изъ церкви лошадей выводятъ... конюшни сдѣлали въ алтаряхъ... Ничего не чтутъ, никакой святыни...

Обратимовъ.

Какая подлость!

Квашнинъ.

Да это еще что!... грабь чего хочешь, да живого человѣка, душу божескую, не тронь... Они тутъ остервенѣли... Звѣри!.. хуже звѣря... Звѣрь, коли сытъ, онъ тебя не тронетъ, уйдетъ, а этимъ еще радость какая-то мучить несчастныхъ, которые изъ Москвы убѣжать не успѣли... работать заставляютъ на себя черезъ силу, а коли чего кто не сможетъ, палашами бьютъ Кровь льютъ человѣческую... священниковъ калѣчатъ, чтобы показывали, гдѣ добро церковное спрятано... а ужъ что съ женщинами здѣсь дѣлаютъ!..

Обратимовъ.

Неужели, Захаръ?—неужели?

Квашнинъ.

Я на прошлой недѣлѣ въ какомъ-то саду въ обгорѣломъ засталъ, два баварскихъ солдата поймали дѣвчоночку, такъ небольшенькую, лѣтъ двѣнадцати, и рвутъ съ нея платьишко, оголяютъ ее. Она, бѣдняжечка, какъ пташка пойманная рвется, мечется, рыдаетъ, молитъ, а они, окаянные, только смѣются. Не могъ я этого видѣть; какъ схвачу обоихъ за горло, такъ они у меня безъ памяти и повалились... Ну, я ихъ обоихъ сейчасъ въ помойную яму, головой къ низу, чтобы захлебнулись... а дѣвчоночку снесъ въ воспитательный домъ, тамъ начальникъ, Тутолминъ, дѣтей охраняетъ... такъ она доселе не можетъ оправиться.

Обратимовъ.

Ужасъ! ужасъ! ужасъ!

Квашнинъ.

Что же ихъ жалѣть!.. они теперь и на людей-то не похожи... ну и насъ довели до этого... Горитъ Москва со всѣхъ сторонъ, мы же ее поджигаемъ, чтобъ непріятелю жутко приходилось; а онъ, извѣстно, еще злѣе становится... жизнь человѣчья ни почемъ... Врагъ ли гдѣ зазѣвается, сейчасъ его наши мужички дубиной по лбу, да въ огонь... нашъ ли что не потрафить, саблей его изрубятъ... валяются мертвые по улицамъ... Дымъ, смрадъ, огонь, адъ кромѣшный здѣсь!.. а вы лѣзете.

Обратимовъ.

Оттого и лѣзу, что адъ кромѣшный; не могу я здѣсь оставить самого дорогого мнѣ человѣка, пока не увѣрюсь, что онъ внѣ опасности; я себя не пощажу.

Квашнинъ.

Про кого это вы говорите?

Обратимовъ.

Здѣсь осталась, здѣсь... я думалъ, что она успѣла уѣхать, узналъ, что нѣтъ... она тутъ, мнѣ надо ее высвободить изъ Москвы.

Квашнинъ.

Да кого?

Обратимовъ.

Я люблю ее, Захаръ, понимаешь ли... я любилъ ее всегда... еще младенцемъ... Она мной пренебрегаетъ, но мнѣ все равно... Елену Коростылеву... я ничего не пожалѣю, чтобъ спасти ее... Захаръ, будь мнѣ братомъ роднымъ, помоги ее спасти.

Квашнинъ.

Ахъ, бѣдный вы мой баринъ... Да почемъ же вы знаете, что она здѣсь?

Обратимовъ.

Мнѣ ея кучеръ сказалъ, онъ убѣжалъ изъ Москвы... и сказалъ, какъ ее тутъ найти... ее пока бережетъ ихъ дворовый, Сенька; помнишь Сеньку?

Квашнинъ.

Встрѣчалъ его здѣсь.

Обратимовъ.

Я розыскалъ его сегодня. Онъ прячетъ Елену на чердакѣ колокольни и туда носитъ ей пищу... но и туда могутъ забраться... я просилъ, чтобы онъ уговорилъ ее бѣжать со мной отсюда. Сенька назначилъ намъ здѣсь свидѣться, онъ хотѣлъ насъ провести какъ-то мимо городского вала.

Квашнинъ.

Теперь? сейчасъ?

Обратимовъ.

Сейчасъ.

Квашнинъ.

Что же за дуракъ! вѣдь еще свѣтло, далъ бы ночи наступить.

Обратимовъ.

Онъ говоритъ, ночью хуже, чаще убійства бываютъ, и непріятель подозрительнѣе, и свои смѣлѣе. Онъ обѣщалъ закоулками сюда ее привести. Тутъ ближе къ окраинѣ и мѣсто глуше... гдѣ нибудь дождемся до ночи; вонъ ужъ вечерѣетъ.

Квашнинъ.

Не перехватили бы ихъ только.

Обратимовъ.

Сенька хотѣлъ одѣть ее въ рваный старушечій салопъ; а самъ онъ притворяется хромымъ, на костыляхъ.

За сценой жалобные крики и брань.

Квашнинъ.

Опять солдаты!.. что это они словно бьютъ кого-то?

Отводитъ Обратимова. Появляется Сенька; онъ еле переступаетъ на костыляхъ. У него на спинѣ большой мѣшокъ; трое французскихъ солдатъ его подгоняютъ.

IV.

ТѢ-ЖЕ, СЕНЬКА и ФРАНЦУЗСКІЕ СОЛДАТЫ, потомъ ЕЛЕНА.

Сенька.

Мусью!.. охъ!.. не могу я нести твоего мѣшка... ой!.. батюшки, помираю...

Падаетъ.

1-й солдатъ.

Veux tu te lever, canaille!

Бьетъ его палашемъ.

2-й солдатъ.

Laisse-le: tu vois, il est boiteu. Je porterai le sac.

Беретъ мѣшокъ.

1-й солдатъ—бьетъ Сеньку.

Gredin!

Сенька стонетъ. Солдаты уходятъ.

Сенька—приглядываясь.

Такъ-то лучше... несите сами... что я вамъ за крѣпостной достался, чтобъ ваши мѣшки таскать!.. (Быстро вскакиваетъ и оглядывается.) Барышня!.. Елена Андреевна!.. гдѣ вы?.. (Входитъ Елена.) Слава Богу, васъ не замѣтили.

Обратимовъ — выступая.

Елена Андреевна.

Елена вздрагиваетъ и отходитъ.

Сенька.

Это нашъ баринъ... ничего...

Елена.

Какъ вы меня испугали.

Обратимовъ.

Тутъ Захаръ Квашнинъ.

Сенька.

Захаръ Кузьмичъ, и вы тута?.. стало все свои, землячки... вотъ и ладно...

Квашнинъ.

Ты ихъ чрезъ кладбище провести хочешь?

Сенька.

Тамъ лазейка есть, прямо на болото; ни души живой... пробѣжать версту, тамъ и деревня.

Квашнинъ.

Да туда фуражиры непріятельскіе въ прошлый четвергъ пошли.

Сенька.

Тамъ всѣ и остались. Староста ихъ виномъ споилъ, а какъ они въ избѣ свалились пьяные, всѣхъ ихъ перерѣзали... Теперь мужички въ лѣсъ разбѣжались, дворы пустые; а версты черезъ двѣ наши войска. Я барину все объяснилъ, какъ идти.

Квашнинъ.

Такъ пока не стемнѣло ихъ припрятать надо куда. Пойдемъ на кладбище, выберемъ какую разваленую часовню.

Обратимовъ.

И мы съ вами пойдемъ.

Сенька.

Гурьбой-то замѣтятъ пожалуй. Вы тутъ посидите, за стѣнкой спрячьтесь... тутъ въ церкви драгунская конюшня, чтобъ васъ не запримѣтили... мы только мѣсто осмотримъ и сейчасъ назадъ.

Квашнинъ.

Подлѣ стѣны-то осторожнѣй: въ ней известка вся прогорѣла, того гляди рухнетъ.

Оба уходятъ.

V.

ЕЛЕНА и ОБРАТИМОВЪ.

Елена.

Я... я должна передъ вами покаяться... я ужасно виновата передъ вами.

Обратимовъ.

Чѣмъ, Елена Андреевна?.. что вы?

Елена.

Я не для того это говорю, чтобъ просить у васъ прощенья... то, что вы для меня дѣлаете, уже показываетъ, что вы мнѣ все простите... но я сознаюсь въ этомъ, чтобъ вы знали, что ужъ не такая я... дурная... не такая...

Плачетъ.

Обратимовъ.

Голубушка, полноте... что объ этомъ?.. послѣ поговоримъ; теперь бы только выбраться.

Елена.

Я васъ грубо оттолкнула, помните, въ послѣдній разъ, когда вы пришли къ намъ; а вы теперь въ такую опасность кинулись.. сюда пришли для меня .. жизнью своей рискуете.

Обратимовъ.

На войнѣ всѣ жизнью рискуютъ.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ не всѣ, и не такъ, какъ вы .. и именно тотъ, на кого я больше всего надѣялась, тотъ-то обо мнѣ и не позаботился.

ОБРАТИМОВЪ.

Вы говорите о вашемъ князѣ молдаванскомъ?

ЕЛЕНА.

Изъ-за него я осталась въ Москвѣ.

ОБРАТИМОВЪ.

Создатель небесный!.. Какъ это случилось?

ЕЛЕНА.

Я все ждала, что мой отецъ пріѣдетъ въ Москву, и князь это совѣтовалъ; онъ обѣщалъ приготовить экипажъ и сказать, когда необходимо будетъ выѣхать... я ему вѣрила и ждала, и ждала... когда вдругъ французы нагрянули въ городъ... я была на улицѣ, какой-то солдатъ схватилъ меня за плечо, мнѣ сдѣлалось такъ страшно, такъ страшно!.. я вырвалась и бѣжала опрометью не зная куда... Я попала на Орловъ лугъ, тамъ было много нашихъ русскихъ; крестьяне, купцы, священникъ, женщины... всѣ жили подъ открытымъ небомъ... я къ нимъ пристала, они пріютили меня... Непріятельскіе солдаты иногда приходили, грабили, били... оскорбляли меня... я не могу всего разсказать...

Обратимовъ.

Натерпѣлись вы.

Елена.

Какъ-то прибѣжалъ туда Семенъ... вотъ преданный человѣкъ, если-бъ вы знали. Онъ все время искалъ меня, едва нашелъ. Онъ свелъ меня на колокольню, тамъ было не такъ опасно... на Орловомъ лугу меня могли насильно увести солдаты... Я грязнила свое лицо... я пряталась въ скверные лохмотья... На колокольню никто не приходилъ, кромѣ Семена. Онъ кормилъ меня, онъ спасъ меня... теперь вы...

Обратимовъ.

Не оставлять же васъ погибать.

Елена.

Тяжелыя испытанія намъ на пользу: только въ несчастіи можно оцѣнить человѣка. Что хорошаго я сдѣлала всѣмъ этимъ людямъ на Орловомъ лугу? а они... сколько братскаго участія мнѣ показали, какъ берегли... эти нищіе мужики... и дворовый Семенъ... Господи! какъ я всегда чуждалась этого народа... страшно сознаться, я презирала народъ, и именно народъ мнѣ показалъ, какъ онъ мнѣ близокъ, какой онъ родной мнѣ.

Плачетъ.

Обратимовъ.

Тише... кажется цѣлый отрядъ солдатъ идетъ сюда... Сядемъ тутъ за камни.

Елена.

Да, да...

Прячутся. Входитъ отрядъ вестфальскихъ уланъ подъ предводительствомъ Милитецко, съ ними дворникъ.

VI.

ТѢ-ЖЕ, МИЛИТЕЦКО, ДВОРНИКЪ и УЛАНЫ.

Милитецко — дворнику.

Стой... (Останавливаются.) Куда ты насъ завелъ? я тебѣ сказалъ, вести къ Бутырской заставѣ.

Дворникъ.

Какъ знаю, такъ и веду.

Милитецко.

Тутъ все выгорѣло, однѣ развалины.

Дворникъ.

Такъ вѣдь не ближній конецъ, къ Бутырской заставѣ.

Обратимовъ — тихо Еленѣ.

Говорятъ по русски; это наши.

Милитецко.

Ты можетъ быть спутался съ дороги?

Дворникъ.

А кто ее знаетъ? можетъ маленько и далъ крюку... вишь ты, дома выгорѣли, улицу-то и не распознаешь.

Обратимовъ — Еленѣ.

Я скажу имъ, какъ пройти; я знаю.

Елена.

Нѣтъ, нѣтъ, не показывайтесь... мнѣ страшно.

Обратимовъ.

Это наши русскіе, имъ надо помочь...

Выступаетъ.

Милитецко.

А! тутъ еще есть живые люди... Ты знаешь дорогу къ Бутырской заставѣ?

Обратимовъ—пораженъ.

Я... знаю...

Милитецко.

Кто ты такой?.. (Узнавъ Обратимова.) Да мы старые знакомые... помѣщикъ Обратимовъ!.. добыча сама въ руки идетъ.

Обратимовъ.

Князь!

Милитецко.

И вы меня узнали?.. Прекрасно, молодой офицеръ русскаго ополченія... я васъ арестую.

Обратимовъ.

Что это значитъ?

Милитецко.

Это значитъ, что вы были совершенно правы, когда сплетничали про меня милой Еленѣ, что я эмиссаръ Наполеона... Да, я на службѣ у великаго императора; капитанъ вестфальскихъ уланъ. Вы видите со мной отрядъ.

Обратимовъ.

Подлый шпіонъ!

Милитецко.

Напрасно вы, молодой офицеръ, позволяете себѣ дерзкіе слова... вамъ бы лучше было смириться и умолять меня о снисхожденіи. Теперь вы въ моихъ рукахъ.

Обратимовъ.

Ведите меня къ вашему начальнику; я съ нимъ объяснюсь.

Милитецко.

Хорошо. Я спѣшу къ генералу Даву. Вы сказали, что знаете дорогу; идите впереди. (Дворнику.) И ты иди тоже. Смотри, такъ ли онъ покажетъ.

Обратимовъ.

Не можетъ быть, чтобъ я и среди враговъ не нашелъ справедливаго человѣка.

Милитецко.

О, вы найдете полную справедливость... Вы русскіе люди очень отважные люди: ротмистръ Фигнеръ нѣсколько разъ переодѣтый пробирался въ Москву, выдавалъ себя за француза, узнавалъ наши распоряженія, и потомъ нападалъ съ казаками на наши отряды. Онъ всегда ускользаетъ. Вы вѣроятно хотѣли слѣдовать его примѣру...; вамъ не удалось... вы не ускользнете.

Обратимовъ.

Я не затѣмъ сюда пришелъ.

Милитецко.

На войнѣ разбирать это трудно... Вы можетъ быть пришли поджигать Москву?.. Вашъ варварскій народъ сражается съ нами пламенемъ пожара... все это должно быть наказано; по всей справедливости... вѣдь вы хотите справедливости; вы ее увидите: вы офицеръ русскаго ополченія, тайно прокрадываетесь къ намъ; все это увеличиваетъ вашу вину. Пойдемте къ генералу, онъ вамъ покажетъ справедливость.

Обратимовъ.

Какую же, по вашему?

Милитецко.

Васъ повѣсятъ или разстрѣляютъ. (Строго.) Маршъ! меня генералъ ждетъ, мнѣ некогда.

Елена—выступаетъ.

Остановитесь! остановитесь! этого нельзя.

Обратимовъ—съ ужасомъ.

Зачѣмъ, зачѣмъ?

Милитецко.

Вы были не одни? я наткнулся на нѣжное свиданіе... Hélène!.. гдѣ вы пропадали?.. Какой счастливый сюрпризъ.

Елена.

А! теперь не до объясненій... вы задержали меня въ Москвѣ, и за эти страшные дни у меня глаза открылись на все... я ужасно обманулась въ васъ, теперь я вижу, что вы такое... но есть же и въ васъ хоть немножко порядочности... я умоляю васъ, отпустите его; онъ пришелъ спасти меня, увести изъ Москвы...

Милитецко.

Тѣмъ болѣе я не могу.

Елена.

Умоляю васъ; сдѣлайте это! сдѣлайте это хоть ради того, что вы видѣли отъ насъ, отъ моего

отца, отъ меня. Когда васъ арестовалъ Ростопчинъ, я ѣздила къ нему, я просила за васъ... конечно, было уже поздно.., французы вошли въ Москву и освободили васъ безъ моей помощи, но я ее вамъ показала... изъ за васъ я осталась въ Москвѣ, я изстрадалась здѣсь... исправьте хоть эту вину вашу, отпустите его, помогите намъ уйти отсюда!

Милитецко.

Милая Hélène, вы требуете невозможнаго. Во первыхъ я могу за это отвѣчать передъ моимъ начальствомъ, во вторыхъ зачѣмъ я буду лишать себя высшаго счастья?

Елена.

Какъ это?

Милитецко.

Вы мнѣ чрезмѣрно нравитесь, ваша красота меня увлекаетъ до безумія... вы въ моей власти; въ суматохѣ войны было бы глупо этимъ не пользоваться.

Обратимовъ.

Мерзавецъ!

Бросается на Милитецко съ кинжаломъ, но его останавливаютъ солдаты.

Милитецко.

Вы хотѣли меня убить... (Еленѣ.) Вы видите, я за васъ рисковалъ жизнью... (Обратимову.) Теперь

еще однимъ преступленіемъ у васъ больше. Я думаю, васъ не разстрѣляютъ, васъ повѣсятъ.

Елена.

Отвратительный, гнусный человѣкъ!..какъ могла я когда нибудь думать, что ты... что ты...

Падаетъ безъ чувствъ.

Милитецко.

Обморокъ!.. гм! (Обратимову.) Смотрите, въ какомъ я затруднительномъ положеніи: взять ее съ собой я не могу, я спѣшу къ генералу... велѣть ее снести на мою квартиру опасно, тамъ много молодыхъ офицеровъ, могутъ отнять ее у меня... (Озирается.) Какіе это бревна?

Дворникъ.

Срубъ; должно быть для стройки приготовленъ.

Милитецко.

Прекрасно! туда одинъ входъ, кругомъ стѣны. (Дворнику.) Помоги мнѣ ее унести туда.

Уноситъ съ дворникомъ Елену въ срубъ.

Обратимовъ.

Война! война! что за чудовище ты дѣлаешь изъ человѣка!.. Боже правый! Боже всесильный, всемилостивый! если за грѣхи наши мы заслужили

такой кары Твоей, возьми мою жизнь, но спаси ее! спаси ее... Боже мой! Боже мой! Боже!

Милитецко и дворникъ выходятъ.

Милитецко — приказывая уланамъ.

Drei Soldaten bleiben hier... Das Fräulein soll nicht weglaufen.

Уходитъ съ дворникомъ и уланами. Они уводятъ Обратимова. Три улана остаются. Двое крестьянъ, которые все время выглядывали изъ подвала вблизи сруба, вылѣзаютъ наполовину.

VII.

ТРОЕ УЛАНЪ, 1-й и 2-й КРЕСТЬЯНЕ, потомъ другіе СОЛДАТЫ, позже ЕЛЕНА и ГУСАКОВА.

1-й крестьянинъ.

Солдатъ тутъ оставилъ сторожить ее.

2-й крестьянинъ.

А солдатамъ шею свернуть.

1-й крестьянинъ.

Ихъ трое тутъ и съ ружьями.

2-й крестьянинъ.

Я двоихъ за себя возьму.

Вылѣзаетъ на сцену.

1-й крестьянинъ.

Заорутъ еще, а тутъ драгуны въ церкви.

2-й крестьянинъ.

Я доски отъ окна отдеру; въ окно бы ее вытащить...

За сценой крики и шумъ свалки, говорятъ на разныхъ языкахъ.

1-й крестьянинъ.

Ивашка! что это?

2-й крестьянинъ.

Вылѣзай! это на руку... Должно быть награбили солдаты какого добра, да раздѣлиться не могутъ... промежъ себя дерутся. Коли сюда потянутъ, такъ и эти сторожа не утерпятъ урвать кусокъ какой; тогда намъ легче ее увести.

1-й крестьянинъ—вылѣзаетъ.

До чужого добра всѣ падки.

Шумъ усиливается.

2-й крестьянинъ.

И то, вѣдь, кажется, сюда...

Прячутся. Врывается толпа солдатъ разныхъ національностей. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ ризы, серебряные подсвѣчники, паникадило, ризы съ образовъ, куски шелковой и бархатной матеріи. Во время суматохи 2-й крестьянинъ оторвалъ на срубѣ доски окна. и влѣзаетъ въ него.

Крики солдатъ.

Lasst, lasst! das haben wir im Laden gefunden!.. Sacrenom! veux tu rendre, diable d'allemand!.. Lasst, lasst! zum Henker!. Je vais te brûler la cerveille, si tu ne rends pas!.. Hau ihn!.. Bellissimo! bellissimo!..

Крики, драка, солдаты отнимаютъ другъ у друга награбленное.

1-й уланъ.

Ich will auch mein Theil.

Выхватываетъ кусокъ матеріи, другой уланъ хватаетъ у него, драка.

2-й уланъ.

Ich gebs nicht ab!

Свалка сильнѣй, крики, солдаты захватившіе награбленное, убѣгаютъ, другіе и два улана за ними... За сценой крики, пистолетные выстрѣлы. 2-й крестьянинъ появляется въ окнѣ сруба и прислушивается.

1-й крестьянинъ.

Пронесло ихъ... и сторожей захватило... только одинъ тутъ...

2-й крестьянинъ—подводитъ Елену къ окну; она еле идетъ отъ слабости.

Не бойся, иди...

Елена.

Что случилось?.. куда его увели?.. что за выстрѣлы?.. его разстрѣливаютъ?

2-й крестьянинъ.

Не бойся, иди ужъ, слушайся... мы свои, русскіе, и у насъ крестъ есть, хотимъ тебѣ добра. Подхватывай, Мишка.

Беретъ Елену на руки и передаетъ ее 1-му крестьянину.

3-й уланъ—замѣтивъ это.

Still stehen! oder ich schiesse.

Хочетъ на нихъ броситься. Въ это время 2-й крестьянинъ выскакиваетъ изъ двери сруба, схватываетъ его сзади и связываетъ кушакомъ.

3-й уланъ—кричитъ.

Hilfe! Hilfe!

2-й крестьянинъ — зажимаетъ ему ротъ.

Закутывай ему морду то...

Оба крестьянина набрасываютъ на улана его плащъ и уводятъ его въ срубъ.

1-й крестьянинъ—возвращаясь, Еленѣ.

Слѣзай въ подвалъ, пока мы тутъ управимся... тамъ баба Мавра; не бойся, наша баба...

Елена.

Его не разстрѣляютъ? онъ убѣжитъ? скажи...

1-й крестьянинъ.

Полѣзай, полѣзай скорѣя.

Елена спускается въ подвалъ.

2-й крестьянинъ—выходя изъ сруба

Теперь не закричитъ.

1-й крестьянинъ.

Придушилъ?

2-й крестьянинъ.

Обстряпалъ... А чтобъ слѣдовъ меньше было я этотъ срубъ поджегъ.

1-й крестьянинъ.

Эва что!

2-й крестьянинъ.

Гляди, сейчасъ пламя пыхать будетъ... Онъ срубъ-отъ сухонькой, да тамъ еще доски навалены, стружки, пакля виситъ; вотъ какъ сгоритъ, живо...

1-й крестьянинъ.

Какъ бы нашъ подвалъ дымомъ не заволокло, задохнешься.

2-й крестьянинъ.

А мы уйдемъ.

1-й крестьянинъ — въ подвалъ.

Мавра! вылѣзайте, уходить надо.

Входитъ Гусакова.

Гусакова.

Такъ, такъ! рѣжьте другъ друга, убивайте другъ друга, Божье возмездіе, Божья кара!

1-й крестьянинъ.

Что ты мать полоумная причитаешь?

Гусакова.

Смотри, смотри, пятеро убитыхъ валяются на улицѣ... кто ихъ убилъ? свои же... между собой передрались изъ за добычи... Грабили, грабили, да ужъ потомъ другъ у друга отнимать стали... Помутилъ Господь ихъ разумъ... въ наказаніе... и награбленное поломано, порвано, никому не досталось и жизни лишились... и всѣ здѣсь ляжете, всѣ... въ Божье наказаніе, зачѣмъ пришли грабить русскую землю...

Срубъ начинаетъ загораться.

2-й крестьянинъ.

Ишь ты, ишь ты, загорается какъ!..

Гусакова.

Гори, гори, Москва, матушка, погребай ихъ тутъ... и за каждую душу православную, по четыре души вашихъ погибнетъ, и за моихъ сыновей... гибните, гибните...

Садится въ сторонѣ, на аванъ-сценѣ.

1-й крестьянинъ — въ подвалъ.

Давай руку-то.

Помогаетъ Еленѣ выйти изъ подвала. За ней вылѣзаетъ Мавра.

2-й крестьянинъ — Маврѣ про Елену.

Ее бы надо мальчонкой одѣть, да волосы обрить; дѣвкамъ-то они спуска не даютъ.

Мавра.

Только-бъ до монастыря добѣжать, тамъ перерядимся... Да почто уходить то?

1-й крестьянинъ.

Да вотъ вишь ты горитъ.. задохнетесь тамъ.

Мавра — Еленѣ.

Пойдемъ... я тебя въ монастырь сведу, къ сестрамъ.

Елена.

Мы его найдемъ? неправда-ли?... Вы мнѣ поможете его найти? Жизнь все ужаснѣй и ужаснѣй становится! одна молитва... одна молитва къ Богу остается...

1-й крестьянинъ.

Помолись и за насъ грѣшныхъ.

Елена.

Кто вы такіе?.. какъ поминать васъ?

1-й крестьянинъ.

Поминай окаянныхъ, отверженныхъ; много у насъ грѣха на душѣ.

2-й крестьянинъ.

Мы острожники; изъ острога убѣжали, какъ французъ въ Москву вошелъ. . Что отшарахнулась? Небось, тебѣ опричь добра ничего не сдѣлали.

1-й крестьянинъ.

Молись за насъ... Христосъ Господь и разбойнику на крестѣ его грѣхи простилъ.. можетъ и намъ зачтется, что мы теперь за своихъ за православныхъ стоимъ, каждый день изъ за того жизни рѣшиться можемъ... Молись, за тебя можетъ простятся намъ старые грѣхи.

2-й крестьянинъ.

Идите что-ль... мы сторонкой присматривать будемъ, чтобъ васъ кто не изобидѣлъ.

Мавра.

Иди.

Уводитъ Елену. Оба крестьянина уходятъ за ней.

Гусакова.

За каждую душу православную по четыре души, по четыре... по четыре... нашего одного убьютъ, оттого вашихъ четверо погибнетъ... Сосчитай ка, злодѣй нашъ, Наполеонъ, сколько изъ за тебя народу вѣка своего не доживутъ?... Ты ихъ привелъ; примешь и ты за нихъ муку... Гибните, гибните, гибните...

Входятъ Сенька и Квашнинъ.

VIII.

СЕНЬКА и КВАШНИНЪ, потомъ ОБРАТИМОВЪ, позже—НАПОЛЕОНЪ со свитой.

Сенька.

Да ихъ тутъ нѣту...

Осматриваетъ все мѣсто. Пожаръ сильнѣе.

Квашнинъ.

Неужто попались?... Здѣсь они могли хорошо хорониться... развѣ сами вышли.

Сенька.

Нѣту! нигдѣ нѣту!

Квашнинъ.

Неужто сдуру вылѣзли изъ за стѣны?

Сенька — глянувъ за кулисы.

Тута, тута, бѣжитъ.

Вбѣгаетъ Обратимовъ, внѣ себя.

Обратимовъ.

Я отъ нихъ вырвался! сквозь огонь кинулся, сквозь пылающій домъ... Елену спасите!

Сенька.

Да гдѣ же барышня?

Обратимовъ.

Онъ ее тутъ оставилъ; она въ обморокѣ была... тутъ, кажется, тутъ гдѣ-то... Я мѣста не запомню... и солдатъ приставилъ ее сторожить... Не видали вы солдатъ?... Или это было въ другомъ мѣстѣ?... нѣтъ тутъ... да... вѣдь тутъ вы насъ оставили?

Квашнинъ.

Вотъ здѣсь, за стѣной.

Обратимовъ.

Такъ, такъ!... теперь вспоминаю... мы вышли.. (Вскрикиваетъ.) А!... сюда!... сюда онъ ее положилъ, въ этотъ срубъ... горитъ она, горитъ!

Хочетъ броситься къ срубу. Квашнинъ его останавливаетъ.

Квашнинъ.

Куда вы?

Обратимовъ.

Спасите! спасите!...

Часть сруба обрушивается; видны пылающія бревна.

Квашнинъ.

Коли здѣсь она въ пожарѣ, ее уже не спасете, только сами сгорите.

Обратимовъ.

Пусти.

Квашнинъ.

Не пущу я васъ, противъ вашей воли не дамъ вамъ помереть.

Сенька.

Солдаты! солдаты сюда бѣгутъ... должно быть за поджигателей насъ приняли...

Квашнинъ.

Тащи барина насильно прочь.

Сенька схватываетъ Обратимова.

Обратимовъ.

Пустите меня!... пустите!...

Вбѣгаютъ четверо вестфальскихъ уланъ.

1-й уланъ.

Hier! hier!

Въ это время Квашнинъ сильнымъ напоромъ обрушиваетъ на солдатъ каменную стѣну и уводитъ Обратимова. Въ глубинѣ видѣнъ пожаръ Москвы. Появляется императоръ Наполеонъ со свитой. Онъ останавливается на мгновенье, потомъ идетъ дальше.

Гусакова.

Гибните! гибните! гибните!

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Картина 7-я.

ПѢВЕЦЪ ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

ЛИЦА.

Кутузовъ.
Жуковскій, Василій Андреевичъ, поэтъ, ополченецъ.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ, партизанъ.
1-й, 2-й, 3-й — офицеры.
Обратимовъ.
Коростылевъ.
Квашнинъ.
Староста деревенскій.
Василиса,—старостиха.
1-й, 2-й — казаки.
1-я, 2-я, 3-я — бабы.
Баба старуха.

Офицеры, солдаты (русскіе) казаки, крестьяне плѣнные Наполеоновской арміи (иностранцы) бабы.

Въ деревнѣ близъ Тарутина.

Окраина деревни. Съ одной стороны избы, съ другой деревья.

Квашнинъ сидитъ на порогѣ первой избы, изъ коей выходитъ баба старуха.

I.

КВАШНИНЪ и БАБА СТАРУХА.

Квашнинъ.

Что, спитъ?

Старуха.

Крѣпчехонько, хоть ты рожь молоти на емъ, не проснется.

Квашнинъ.

Слава Богу, пущай отдохнеть... весь извелся онъ бѣжавши со мной изъ Москвы-то, да еще съ такой кручиной.

1-я старуха.

Пущай отдохнетъ.

Входятъ староста и нѣсколько крестьянъ.

II.

ТѢ-ЖЕ, СТАРОСТА и КРЕСТЬЯНЕ.

Староста.

Кому чередъ?

Голоса.

Мы всѣ тутъ; намъ идти.

Староста.

Такъ вотъ, робятки... въ лѣсъ значитъ... токмо въ глубь-то больно не забирайтесь, больше держитесь гдѣ поспособнѣе это увидать. . да храни Богъ не засыпать.

Голоса.

Какъ можно!.. что ты!

Староста.

Коли что, на дерево влѣзь, съ дерева то видко: Хлѣба-то взяли ли?

Всѣ.

Взяли, взяли...

Староста.

Ну, съ Богомъ.

Квашнинъ.

Куда же ты это ихъ посылаешь?

СТАРОСТА.

Здравствуйте. Откуда пожаловалъ?

СТАРУХА.

Это мой кумъ, торговецъ вяземскій.

СТАРОСТА.

Знакомый. Ну дай Богъ часъ. А то вѣдь съ непріятелемъ то всяка сволочь привалила. Есть такіе, что и по русски говорятъ; не разберешь: свой ли, вражій.

СТАРУХА.

Слышь ты, изъ Москвы бѣжалъ.

СТАРОСТА.

Что ты?

КВАШНИНЪ.

Все время въ Москвѣ жилъ подъ непріятелемъ, да вотъ надо было проводить нашего ополченскаго офицера. Его тамъ чуть было не разстрѣляли.

СТАРОСТА.

Съ тобой же пришелъ?

КВАШНИНЪ.

Тутъ спитъ въ избѣ.

СТАРОСТА.

Слышали мы, какъ наши злодѣи тамъ съ голо-

духи остервенѣли. Долго-ль имъ еще тамъ хозяйничать?

Квашнинъ.

Что ни день злѣе становятся; видятъ, что конецъ ихъ пришелъ. Слухъ былъ: Наполеонъ ужъ мира запросилъ.

Староста.

Не дадутъ ему мира, анаѳемѣ.

Квашнинъ.

Зачѣмъ давать. Онъ какъ пришелъ, то былъ грозенъ, потому у него войска было втрое больше супротивъ нашего, а теперь, гляди и половины прежняго нѣтъ. Теперь ему одно осталось: какъ бѣшенному волку голодному метаться во всѣ стороны.

Староста.

А у насъ облава, куда не сунься. Это вонъ мужичковъ-то я послалъ, чтобъ лѣсъ сторожить... и отъ каждой деревни окрестъ всей Москвы такъ-то мужички слѣдятъ.

Квашнинъ.

Солдатики-то наши какъ? оправились ли?

Староста.

Молодцами, встряхнулись... что имъ!.. Сходи ка въ Тарутино село, съ версту отсюда, въ нашъ ла-

герь, что твой базаръ: ѣжи много, сыты, одѣты, обуты... на дняхъ имъ откеда-то полушубки присЛали, отмѣнные. Веселье тамъ, право... сбитеньщики ходятъ, музыка, пѣсни...

Квашнинъ.

А много-ль ихъ?

Староста.

Гдѣ-жъ мнѣ это знать?.. Одно вотъ слышалъ, что все солдатъ прибываетъ. Съ Дону казаки старики поднялись, бородатые... да еще пока до солдатъ дѣло дойдетъ, наши мужички сколько этого непріятеля переловятъ, да переколотятъ...

Квашнинъ.

Партизанскіе отряды ловко дерутся: Сеславинъ, Фигнеръ?

Староста.

Что партизанскіе! я те говорю: наши простые мужички съ рогатиной да съ топоромъ что перебрали народу ихняго, мародеровъ, фуражировъ, которые изъ Москвы на добычу выходятъ... да какой мужички, бабы, и тѣ сражаются... Погоди ка... вонъ вишь ты... вишь ты, ведутъ... это изъ сосѣдняго села старостиха Василиса... вотъ бѣдовая баба; что она враговъ перебила.

Василиса—за сценой.

Ну идите, идите... чего отстаете?

Входитъ Василиса, за ней нѣсколько бабъ вводятъ плѣнныхъ съ перевязанными руками. Плѣнные въ отрепьѣ; всѣ хилые. Одна изъ бабъ ведетъ барана. Останавливаются. Баба старуха ушла въ избу.

III.

СТАРОСТА; КВАШНИНЪ, ВАСИЛИСА; БАБЫ, ПЛѢННЫЕ, потомъ КАЗАКИ.

Староста—кланяется.

Василисѣ Михайловнѣ!.. На охоту ходили?

Василиса.

Вона ихъ сколько набрали, миродеровъ.

Староста.

А баранъ то у васъ на что?

Василиса.

Это насъ одинъ казакъ научилъ, какъ нашихъ злодѣевъ на удочку ловить. Они шельмы все крадучись ходятъ по лѣсу; а мы на выгонѣ барана поставили, на привязи, и притаились въ кустахъ. Сталъ баранъ блеять, мирадеры-то непріятельскіе и полѣзли со всѣхъ сторонъ, что тараканы на ржа-

ную корку. Мы какъ шасть на нихъ: проси пардону. Кто не проситъ, того топоромъ, остальныхъ перевязали; вотъ и ведемъ.

Староста.

Что-жъ вы однѣ бабы? мужики-то ваши гдѣ?

Василиса.

А мужики другихъ плѣнныхъ ведутъ. Много вѣдь мы ихъ захватили. (Увидя, что нѣсколько плѣнныхъ сѣли на землю.) Ахъ вы смерды подлые! они ужъ обрадовались, что я остановилась. . вставать! (Плѣнные встаютъ, кромѣ одного.) А ты что, баринъ, не слушаешь? не встаешь? хочешь, я тебя совсѣмъ уложу?

2-я баба.

Не тронь, Василиса Михайловна, отсюда не убѣгутъ... ты видишь, онъ раненый.

3-я баба.

Силушки рѣшился.

Староста.

Оставь его тутотка, мы его приберемъ.

Василиса.

Очень нужно съ ними прохлаждаться. . Вставай говорятъ! не хочешь, такъ я те...

Поднимаетъ саблю, Квашнинъ ее останавливаетъ.

Квашнинъ.

Оставь! что ты нехристь что ли какой?

Василиса.

Ты откуда взялся, не въ свое дѣло путаешься?

Голоса.

Не замай его, Василиса Михайловна, не замай! онъ несчастненькій!

Василиса.

Несчастненькій! Иродово племя! несчастненькій... кто ихъ несчастненькими сдѣлалъ? сами сюда лѣзли, и получай чего искали. Они кровь нашу пьютъ; раззорили, загубили... Вставай!

Квашнинъ.

Брось, Василиса, брось! и у него душа человѣческая. Кабы отъ него обороняться надо, тутъ бей, дѣлать нечего; безъ нужды бить грѣхъ. Что его доканчивать, онъ и такъ убитъ.

Василиса.

Они же нашихъ доканчиваютъ, кто попадется, не щадятъ.

Квашнинъ.

Они за то передъ Богомъ отвѣтятъ. Коли они скверно дѣлаютъ, не будемъ мы дѣлать по ихнему.

Голоса.

Правда оно, правда... намъ что съ нихъ примѣръ брать!.. не дадимъ!..

Василиса.

Ну васъ совсѣмъ!.. очень мнѣ нужно... нянъчитесь съ ними, какъ хотите.

Уходитъ.

Староста.

Ражая баба; охъ люта она до враговъ.

Входитъ нѣсколько казаковъ.

1-я баба.

А вотъ служивые... Возьмите у насъ непріятеля.

1-й казакъ.

Намъ некогда, велѣно здѣсь костеръ разложить. Ведите ихъ, бабы, въ Тарутино, тамъ офицеру сдадите.

Квашнинъ — развязываетъ у двоихъ руки.

Вы мусью здоровый, бери раненаго-то, неси на рукахъ.

Мимикой показываетъ, чтобы взять раненаго. Двое плѣнныхъ берутъ раненаго и несутъ, бабы ихъ конвоируютъ.

2-я баба.

Я впередъ пойду... Анна! Просковья! не отставай.

1-й казакъ.

Ой бабы, ой наши бабы!.. вотъ воинство. (Схватывая одного плѣннаго.) Постой ка, постой ка ты. (Бабы уходятъ, одинъ изъ плѣнныхъ остается.) Что это у тебя больно много заплатъ нашито? (Отдираетъ одну заплату, изъ нея вываливаются деньги, золотые.) Голубчики, гляньте ка! онъ у насъ имянинный пирогъ съ золотой начинкой: у него тутъ подъ заплатами-то червонцы.

Общій смѣхъ. Плѣнный улыбается въ смущеніи.

Староста.

Награбилъ!

2-й казакъ—отодравъ другую заплату.

А я, братцы, на немъ часы нашелъ, съ цѣпью, золотые.

Показываетъ.

Квашнинъ.

Ужъ отъ казака ничего не спрячешь; казакъ насквозь все видитъ,

1-й казакъ.

Ну, мусье, ты накралъ бунъ!

Всѣ смѣются.

1-й казакъ.

Потроши его, бестію.

2-й казакъ — показывая медальонъ.

Я вотъ какую штуку нашелъ.

Квашнинъ.

Медальонъ... можетъ барышня какая, какъ драгоцѣнность берегла... эхъ ты, чумазый, откуда стибрилъ?

1-й казакъ—оглядѣвъ плѣннаго.

Кажись мы ему всѣ дырья опорожнили... ну, мусью... бунъ!.. (Даетъ ему пинка.) Пошелъ, догоняй своихъ!

Плѣнный идетъ, оборачивается, останавливается, говоритъ: „merci", и убѣгаетъ.

2-й казакъ.

Держи, держи!.. ахъ шутъ те возьми, французъ безхвостый!

Староста.

И какъ васъ казаковъ эти французы боятся, то есть страсть. У насъ три бабы пошли въ поле козу

искать, одну бабу и захватили миродеры французы... другія-то бабы этого не замѣтили, а увидѣвши козу и давай кричать: Матрена! здѣсь коза; миродеры, какъ услыхали, показалось имъ, что кричатъ: казакъ, бросили бабу и на утекъ.

Общій смѣхъ. Между тѣмъ казаки приготовили костеръ.

Квашнинъ.

Чтой-то мой офицеръ больно заспался, взглянуть развѣ.

Староста.

Ты бы его покормилъ. Чай въ Москвѣ-то одинъ дымъ глотали. Хошь, я вамъ молочка принесу съ хлѣбушкомъ.

Квашнинъ.

Спасибо, родимый, бабуся насъ утресь накормила, какъ пришли. А вотъ коли милость твоя будетъ, можетъ у тебя рубаха лишняя найдется, одолжи; моя-то ужъ вся продралась, двѣ недѣли не скидаю, армякомъ только прикрываю

Староста.

Пойдемъ. Какъ не найтись, найдется.

Оба уходятъ. Входятъ нѣсколько офицеровъ.

IV.

КАЗАКИ, ОФИЦЕРЫ

1-й офицеръ.

Готово?... Что-жъ ты намъ дивана не поставилъ? Тащи сюда вонъ бревно.

2-й офицеръ — распоряжаясь.

Сюда ставь. Гдѣ вино?

2-й казакъ.

Пожалуйте.

Кладетъ двѣ сабли на кастрюлю, на нихъ ставитъ кусокъ сахару, наливаетъ вино и зажигаетъ все это.

2-й офицеръ.

Коньяку у насъ мало.

3-й офицеръ.

И хорошо, что мало, а то вы перепьетесь и давай безчинствовать.

2-й офицеръ.

А ты, красная дѣвица, ушки заткни, не слушай. Чего шелъ въ гусары, коли браннаго слова забоялся?

1-й офицеръ.

Не тронь Алексашу; онъ въ бою храбрѣй всякаго другого дерется, а коли пьяныхъ разговоровъ не любитъ, такъ и правда, что въ нихъ толку!

Входитъ Давыдовъ.

V.

ТѢ-ЖЕ и ДАВЫДОВЪ.

Давыдовъ.

Бурцевъ, ёра забіака! собутыльникъ дорогой!...

2-й офицеръ.

Дениска! живъ еще?... (Давыдовъ цѣлуется со всѣми.) Я слышалъ французы большія деньги обѣщали тому, кто тебя имъ доставитъ, живого или мертваго.

Давыдовъ.

Эти деньги у нихъ въ карманѣ пролежатъ, что имъ раззоряться.

3-й офицеръ.

Какъ сюда проявился?

Давыдовъ.

Прискакалъ къ свѣтлѣйшему, доложить объ нашемъ дѣлѣ. Какъ отрапортовалъ, вижу, онъ ѣдетъ осматривать окрестности Тарутина, я и привя-

зался... а тутъ меня жженка къ себѣ притянула: верхнимъ чутьемъ чую гдѣ жженку варятъ.

2-й офицеръ.

Намъ свѣтлѣйшій приказалъ дожидаться его здѣсь на задворкахъ. Какъ же дожидаться, да жженку не варить?

1-й офицеръ — раздавая чарки.

Господа! за здоровье Дениски Давыдова и его партизанскихъ подвиговъ!

Всѣ офицеры.

Виватъ!

1-й офицеръ.

Ба, и дѣвица пьетъ твое здоровье. Ну, Дениска, завороженъ ты отъ непріятельской пули.

3-й офицеръ.

О какомъ же дѣлѣ вы свѣтлѣйшему докладывали? разскажите и намъ.

Давыдовъ.

Ничего таки поработали.

1-й офицеръ.

Ну ка, ну.

Давыдовъ.

Я былъ въ селѣ Покровскомъ. Донесли мнѣ крестьяне, что по дорогѣ тянется цѣлый непрія-

тельскій обозъ; а ко мнѣ только-что пришло подкрѣпленіе въ пятьсотъ доброконныхъ казаковъ. Думаю: смѣлымъ Богъ владѣетъ; раздѣлилъ мою партію на два отряда. Съ однимъ самъ пошелъ, другой послалъ съ ополченскимъ майоромъ, Храповицкимъ, въ тылъ. Притаились мы у рѣчки Вязьмы и какъ только батальонъ показался, съ гикомъ кинулись на него: казаки въ разсыпную, резервы въ колоннѣ въ шесть коней. Непріятель сразу побросалъ оружіе и кто успѣлъ дралова въ лѣсъ. Мы взяли въ плѣнъ двухъ офицеровъ и двѣсти нижнихъ чиновъ.

1-й офицеръ.

Живо смастерили. А Храповицкій?

Давыдовъ.

Встрѣтилъ другой обозъ и тонко схитрилъ: онъ велѣлъ казакамъ на пики нацѣпить флюгера; непріятель принялъ ихъ за своихъ польскихъ кавалеристовъ и подпустилъ близко. Оттого удалось захватить огромный транспортъ.

1-й офицеръ.

Все въ одинъ день?

Давыдовъ.

Всего мы захватили четыреста девяносто шесть рядовыхъ, одного штабъ-четыре оберъ-офицера, сорокъ одну фуру, да еще своихъ русскихъ отбили полтораста человѣкъ.

3-й офицеръ.

Спасли нашихъ плѣнныхъ?

Давыдовъ.

Это у насъ въ партизанской войнѣ безпрестанно. Какъ налетимъ, наши плѣнные дѣлаются солдатами, а вражьи солдаты плѣнными.

1-й офицеръ.

Партизанскіе отряды-то ужъ сколькихъ нашихъ освободили.

Давыдовъ.

Крестьяне хорошо намъ помогаютъ, вездѣ слѣдятъ сейчасъ извѣщаютъ.

1-й офицеръ.

Веселая твоя жизнь, какъ погляжу.

Давыдовъ.

И знаете, друзья мои, во всей этой сумятицѣ была одна минута очень трогательная.

1-й офицеръ.

Послушаемъ.

Давыдовъ.

Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, поручикъ, пришелъ ко мнѣ сказать, что казаки его обобрали. Онъ на это не жаловался, но со слезами просилъ,

если можно, вернуть ему кольцо, подаренное его невѣстой, которую онъ безумно любилъ... Ну, господа, рѣзня рѣзней, а любовь любовью.

Голоса́.

Правда! правда!...

Давыдовъ.

Къ счастью я разыскалъ это кольцо и отдалъ влюбленному офицеру. Еслибъ вы видѣли его радость!.. Да, горячо любимую женщину и въ пылу сраженья не забываютъ. Пью за здоровье женщинъ, господа!

1-й офицеръ.

За здоровье женщинъ!

Давыдовъ.

Когда же вы выступаете въ походъ?

3-й офицеръ.

Это тайна главнокомандующаго. Вы знаете, свѣтлѣйшій до послѣней минуты никому своихъ плановъ не говоритъ.

1-й офицеръ.

Наполеонъ долго не усидитъ въ Москвѣ. Оттуда всякій день извѣстія, что его войско все таетъ и таетъ отъ голода, отъ болѣзней, отъ грабежей, отъ пожаровъ.

2-й офицеръ.

Тутъ бы и нагрянуть на него.

Давыдовъ.

Нѣтъ, капитанъ, главнокомандующій правъ: зачѣмъ терять нашихъ солдатъ, когда непріятель самъ собой пропадаетъ. Свѣтлѣйшій ждетъ еще важнаго союзника...

3-й офицеръ.

Кого это?

Давыдовъ.

Русскихъ морозовъ. Пускай природа за насъ сражается, а наше дѣло только не пускать Наполеона на югъ, гдѣ теплѣе.

1-й офицеръ.

Наполеонъ давно мира проситъ.

Давыдовъ.

Ахъ, милые, я сейчасъ подслушалъ разговоръ Кутузова съ парламентеромъ Наполеона, генераломъ Лористономъ; едва удержался отъ смѣха, какъ они другъ другу глаза отводили. Лористонъ клялся, что его императоръ глубоко любитъ нашего и желаетъ мира; и вообразите, нашъ свѣтлѣйшій прикинулся несчастненькимъ, просилъ передать Наполеону, что и онъ, Кутузовъ, хочетъ мира и боится продолженія войны...; а все таки никакого отвѣта не далъ, ссылаясь на государя.

1-й офицеръ.

Мы будемъ мира желать! теперь, когда войско наше ростетъ не по днямъ, а по часамъ... Здоровое, сильное войско... мы мира!.. ха, ха, ха...

Общій дружный смѣхъ. Входитъ Кутузовъ съ небольшой свитой. Казакъ несетъ за нимъ скамеечку. Въ числѣ прочихъ входитъ Жуковскій.

VI.

ТѢ-ЖЕ. КУТУЗОВЪ со свитой и ЖУКОВСКІЙ.

Кутузовъ.

Эге, да здѣсь веселье и смѣхъ... Дайте ка присѣсть и мнѣ къ огоньку, дѣтки, я много ходилъ сегодня, пріусталъ.

Казакъ поставилъ скамью, онъ садится.

2-й офицеръ.

Пьемъ пока да балагуримъ, ваша свѣтлость, выжидаючи приказа; махни рукой, храбро въ огонь бросимся и раны получить сумѣемъ.

1-й офицеръ.

У насъ солдаты говорятъ: что насъ уговаривать быть храбрыми, стоитъ намъ только на пожаръ Москвы посмотрѣть, такъ на чорта полѣземъ.

Кутузовъ.

Это не разумно. Не тотъ истинно храбръ, кто по произволу своему мечется въ опасность, а тотъ, кто повинуется начальству. Раны получить не трудно, но въ службѣ главное исполнить свое дѣло. Какая отъ того польза отечеству, если захочешь блеснуть храбростью, да безполезно въ опасность вдаешься? мы своего дождемся... Дайте и мнѣ чарку.

1-й офицеръ.

Ваша свѣтлость, коли вы удостоиваете насъ раздѣлить съ нами нашу попойку, прикажите ополченцу Жуковскому сказать свои стихи; они будутъ привѣтомъ вашей свѣтлости

Кутузовъ

Ты сочинилъ стихи?

1-й офицеръ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

Жуковскій.

Какъ сумѣлъ, ваша свѣтлость; если неудачно...

Кутузовъ.

Дай объ этомъ судить другимъ, прочти.

Жуковскій—читаетъ.

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами,

Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой...
Дружнѣе руку въ руку,
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя?

Давыдовъ — восторженно.

Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя?!

Кутузовъ встаетъ, всѣ другіе тоже.

Кутузовъ — поднимая стаканъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!

Всѣ.

Отчизнѣ! отчизнѣ! отчизнѣ!..

Кутузовъ.

Спасибо тебѣ, голубчикъ, продолжай писать такъ же отъ сердца и отчизна тебя не забудетъ. (За сценой отдаленные звуки трубы). Чу! это меня зо-

вутъ... Лошадей!.. по квартирамъ, господа, и ждите приказа сегодня же.

Уходятъ со свитой.

1-й офицеръ.

Сегодня! слышите, слышите, что говоритъ: сегодня.

Давыдовъ.

По мѣстамъ, по мѣстамъ, друзья!.. мнѣ сдается, что завтрашній день заставитъ Наполеона уйти изъ Москвы.

Всѣ шумно уходятъ. Вечерѣетъ. Съ другой стороны входятъ Квашнинъ и Коростылевъ.

VII.

КВАШНИНЪ и КОРОСТЫЛЕВЪ, потомъ ОБРАТИМОВЪ, позже КАЗАКИ.

Квашнинъ — заглянувъ въ окно избы, гдѣ показался свѣтъ зажженной лучины.

Проснулся. Чтой то съ бабусей говоритъ. Ты баринъ стань пока вонъ тамъ, за кустомъ, больно ужъ онъ у меня хмурый, надо про тебя прежде сказать... Идетъ, идетъ! схоронись.

Коростылевъ.

Что-то скажетъ? Господи, что-то скажетъ?

Входитъ Обратимовъ.

Обратимовъ.

Мнѣ послышалось, трубы звучатъ... Какъ я долго спалъ. Узналъ ты, какіе отряды выступаютъ противъ непріятеля?

Квашнинъ.

Успѣемъ еще, успѣемъ.

Обратимовъ.

Захаръ, я просилъ тебя узнать, про какой нибудь партизанскій отрядъ; ты обѣщалъ.

Квашнинъ.

Иванъ Семеновичъ, вамъ теперь не по себѣ... опомнитесь сперва, одумайтесь. Вѣдь вы не сражаться хотите, не за родину стоять, вамъ бы только въ огонь броситься, чтобъ скорѣй васъ убили. Иванъ Семеновичъ, не добрыя это мысли. Богъ знаетъ кому онъ что опредѣлилъ, и пути Господни испытывать не надо. Вы не на битву спѣшите, а на самоубійство. За битву честь и слава, за самоубійство позоръ.

Обратимовъ съ рыданіемъ падаетъ ему на грудь.

Обратимовъ

Я любилъ ее, Захаръ!.. я любилъ ее, какъ никого въ мірѣ.

Квашнинъ.

Неси свой крестъ и терпи. Всѣ терпятъ. Вамъ теперь еще новое испытанье предстоитъ.

Обратимовъ.

Что?

Квашнинъ.

Я сейчасъ по селу ходилъ... встрѣтилъ... знаете... здѣсь ея отецъ. Коростылевъ, Андрей Петровичъ.

Обратимовъ.

Я его видѣть не могу. Онъ призрѣлъ этого отвратительнаго Молдаванскаго князя, онъ приготовилъ гибель Елены.

Квашнинъ.

Не корите... Всякій разумъ затуманиться можетъ... нѣшто Андрей Петровичъ этого желалъ?.. Вы знаете, какъ онъ свою дочь любилъ. Вы десятокъ лѣтъ видѣли, какъ онъ на нее не надышался. Посмотрите, какъ онъ страдаетъ теперь. Я не рѣшился ему сказать, что ее ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

Коростылевъ — выступаетъ.

Что? что ты сказалъ? повтори... или ужъ я такъ

этого боюсь, что мнѣ оно вездѣ слышится... что-жъ вы молчите? моя дочь, моя Елена!.. не можетъ быть... я думалъ ее найти у княжны... туда ѣздилъ, и нѣтъ: она осталась тамъ, въ Москвѣ... Я бросился туда, но мнѣ не удалось... въ какой то стычкѣ меня ранили... Я пролежалъ все это время... Я выздоровѣлъ... и зачѣмъ? чтобъ узнать... Вы были въ Москвѣ, вы видѣли ее?.. говорите же говорите.

Квашнинъ.

Покорись волѣ Божіей, Андрей Петровичъ.

Коростылевъ.

Она умерла?

Обратимовъ.

Страшной смертью.

Коростылевъ.

Убита?

Обратимовъ.

Не спрашивай... не заставляй и меня вспоминать объ этомъ. Мнѣ она можетъ быть была дороже, чѣмъ тебѣ; я бы свою жизнь отдалъ за нее, свою жизнь...

Рыдаетъ.

Коростылевъ.

Такъ месть!.. месть за нее всякому врагу... Еще въ моей старческой рукѣ хватитъ силы держать саблю. Клянусь всею святыней твоей, Госпо-

ди! эта рука не опустится, пока врагъ не будетъ выгнанъ съ позоромъ.

Обратимовъ

Клянусь и я тоже.

Нѣсколько казаковъ проходитъ.

1-й казакъ.

Да тише... велѣно, чтобы какъ можно тише...

Квашнинъ.

Куда вы казачки?

1-й казакъ.

А тебѣ что?

Квашнинъ.

Къ вамъ пристать хочу.

1-й казакъ.

Иди въ Тарутино, тамъ скажутъ куда идти, коли примутъ; тамъ все начальство.

Казаки уходятъ

Квашнинъ.

Что-то всполошились, не будутъ ли выступать сегодня... Идемте въ Тарутино, тамъ узнаемъ.

Коростылевъ и Обратимовъ

Идемъ! идемъ!..

Уходятъ.

Картина 8-я.

ПОБѢДА.

Квашнинъ.
Коростылевъ.
Елена.
Обратимовъ.
Милитецко.
Сенька.
Солдатъ – русскій.
Монахъ.
Уланъ вестфальскій.

Русскіе плѣнные у непріятеля, вестфальскіе уланы, сторожа, русскіе солдаты.

Въ другой деревнѣ, близъ Тарутина.
6-го октября.

Старый полуразвалившійся сарай, слабо освѣщенный фонаремъ. Остатки соломы, съ одной стороны лѣсенка, ведетъ въ верхнее отдѣленіе. Нѣсколько плѣнныхъ русскихъ расположились на отдыхъ. Въ числѣ ихъ Елена въ одеждѣ нищаго мальчика (спитъ), Сенька, монахъ, старый солдатъ и другіе. Въ глубинѣ наполеоновскій драгунъ сторожитъ.

I.

ЕЛЕНА, СЕНЬКА, МОНАХЪ, СОЛДАТЪ и другіе русскіе плѣнные.

Солдатъ.

Васъ-то, батюшка, какъ они съ плѣнными гонятъ?

Монахъ.

Не повѣрили, что я духовнаго сана. Говорятъ, у меня борода, стало быть я казакъ, а они на казаковъ пуще всего злы.

Сенька.

Имъ что ни попъ то батька. Вонъ моего барчука забрали, какой онъ военный? дитя слабое... нѣтъ, говорятъ, у васъ офицеры такіе молодые бываютъ.

Солдатъ.

Да вѣдь и ты не солдатъ, какъ въ плѣнъ попалъ? вѣдь ты дворовый?

Сенька.

Что же что дворовый? я съ бариномъ... Нѣшто я могу моего барина бросить? куда онъ, туда и я... Можетъ ему что понадобится, а меня нѣтъ.

Солдатъ.

Куда они насъ гонятъ, не пойму я

Сенька.

Сбились они съ дороги, вотъ что; я вчера это отъ одного польскаго гусара узналъ... Теперь всѣхъ плѣнныхъ гонятъ къ себѣ, въ нѣметчину; такъ надо бы имъ по Смоленской дорогѣ идти, а они сюда свернули, къ Муратову корпусу. Завтра на Смоленскъ погонятъ

Монахъ.

Куда же въ нѣметчину? далеко ужъ больно.

Сенька.

И и! не сочтешь!— тыщи верстъ.

Солдатъ.

Не дойти намъ.

Сенька.

Безъ нужды и гонятъ, каково этакую даль да по морозу, да безъ пищи. Имъ самимъ ѣсть нечего... гонятъ насъ безъ пользы.

Сенька.

Ужъ очень имъ зазорно, что, не солоно хлебавши, ворочаться приходится по снѣжку, по первопуточку. Онъ, вишь ты, знаменитый императоръ Наполеонъ, всякіе народы колотилъ, а тутъ отъ русской дубины бѣги, да съ пустыми руками, зазорно для его чести.

Солдатъ.

Никому намъ не дойти, всѣ помремъ на дорогѣ.

Сенька.

Молись Богу; можетъ гдѣ казаки и выручатъ; теперь много нашихъ отбиваютъ партизанскіе отряды.

Солдатъ.

Мнѣ долго не пройти, у меня, братецъ, дыханье сиплое, грудь всю изломило, еле ноги переступаютъ. Теперь вотъ, хоть ты стрѣляй въ меня, версты не пройти.

Елена просыпается и прислушивается.

Сенька.

Что же это ты? этакъ плохо будетъ.

Солдатъ.

Ужъ на что плоше, знаю. Отецъ, будетъ у меня къ тебѣ просьба, во имя Господа Христа; исполнишь?

Монахъ

Говори, что?

Солдатъ.

Замѣтилъ я у нашихъ злодѣевъ повадка такая: кто изъ плѣнныхъ обезсилитъ, валится, не можетъ больше идти, сейчасъ его изъ ружья пристрѣлятъ... слыхалъ я за собой не разъ эти выстрѣлы... только промычишь: помяни Господи раба твоего.

Сенька.

И я слыхалъ.

Солдатъ.

Навѣрно и меня завтра пристрѣлятъ... роди-

мый, у меня деньги съ собой казенныя... Фельдфебелемъ я былъ, только что деньги полковыя получилъ для передачи, какъ въ плѣнъ попалъ... Коли цѣлъ останешься, отдай эти деньги въ мой полкъ, третій полкъ второй дивизіи, корпуса генерала Баговута... запомни.

Монахъ.

Я запишу, у меня карандашъ есть.

Записываетъ.

Солдатъ.

Скажи, отъ фельдфебеля Овсянки... тамъ у нихъ въ книгахъ моя росписка... Полковыя, отецъ, деньги, не мои, надо отдать. Все время я объ нихъ болѣю... (Отдаетъ деньги.) А меня завтра пристрѣлятъ, это вѣрно.

Елена.

Сеня! я боюсь... Сеня, что онъ говоритъ? и меня застрѣлятъ? у меня ноги отнимаются... я боюсь...

Сенька.

Чего ты?.. спи... спи знай, не вскакивай. Онъ пустое брешетъ... устанешь, я тебя на себѣ понесу... спи, спи, пока не подняли, ишь раскрылся какъ... холодно чай, смерзнешь.

Укутываетъ ее.

Елена.

Сеня, добрая у тебя душа... никогда я не знала, что такіе добрые есть...

Сенька.

Молчи, молчи... сни знай; что за разговоры.

Входитъ Милитецко и Вестфальскій уланъ его отряда.

II.

ТѢ-ЖЕ, МИЛИТЕЦКО и УЛАНЪ.

Милитецко.

Hier?

Уланъ — показывая на Елену.

In der Ecke.

Милитецко — громко.

Встать!.. Убирайтесь всѣ вонъ отсюда, этотъ сарай приказано очистить для генерала.

Говоритъ съ драгуномъ часовымъ. Плѣнные встаютъ и постепенно уходятъ.

Елена.

Сеня, какой ужасъ!.. вѣдь это онъ, это князь.

Сенька.

Ты нахлобучь шапку-то на лобъ... а рукой за бороду возьмись, ровно чешется; онъ и не признаетъ.

Солдатъ.

Пришелъ мой часъ! Отпусти грѣхи мои, батюшка.

Монахъ.

Отпусти, Господи, ему его прогрѣшенія! еже вольныя, еже невольныя, еже словомъ, еже дѣломъ...

Милитецко.

Ну! живо! что вы копаетесь?

Монахъ и солдатъ уходятъ, послѣдними идутъ Елена и Сенька.

Милитецко—взявъ Елену за руку.

Ты, мальчикъ, погоди.

Сенька.

Онъ слабенькій, куда вамъ? оставьте...

Милитецко.

Вонъ отсюда!

Сенька.

Какъ же я могу моего барина кинуть?

Милитецко—солдату.

Weg mit dieser Canaille!

Уланъ схватываетъ Сенъку и тащитъ его.

Сенька.

Родименькіе, миленькіе, оставьте... голубчики, помогите.

Его уводятъ. За сценой слышны еще его возгласы. Всѣ ушли кромѣ Милитецко и Елены

III.

МИЛИТЕЦКО и ЕЛЕНА.

Милитецко.

Hélène... зачѣмъ этотъ маскарадъ?

Елена—вскрикиваетъ.

Ахъ!

Невольно садится и рыдаетъ.

Милитецко.

Чего ты плачешь? я не хочу тебѣ сдѣлать никакого зла. Одинъ изъ моихъ улановъ узналъ тебя и указалъ... Я ужасно обрадовался, я думалъ, ты погибла въ пожарѣ... мнѣ это было очень горько, повѣрь мнѣ... Я сознаюсь, я тамъ въ Москвѣ грубо дѣйствовалъ съ тобой; но ты прости, война дѣлаетъ насъ такими... я все таки люблю тебя и хочу спасти тебя... вѣдь и ты меня любишь... что же ты молчишь?.. Если тебя погонятъ съ плѣнными, ты умрешь на дорогѣ; позволь мнѣ спасти тебя. Хо-

чешь я тебя выдамъ за мою жену?.. Ты все молчишь и плачешь... пойми же, что теперь тебѣ другого исхода нѣтъ... я всѣмъ скажу, что ты моя жена и тебя будутъ привѣтствовать, какъ жену офицера наполеоновской арміи.

Елена.

Отойди отъ меня, звѣрь!.. неужели ты такъ гадокъ, что не понимаешь, какъ страшно такое предложеніе?.. Я ненавижу тебя, но если бъ даже капля прежней моей слѣпоты къ тебѣ во мнѣ оставалась, одна мысль: быть женой врага моей родины...

Милитецко.

Елена, не забывай, что я могу тобой распорядиться, какъ хочу.

Елена.

Убей меня, это будетъ достойно тебя.

За сценой выстрѣлы, сперва дальніе, потомъ ближе.

Милитецко.

Нѣтъ, я тебя не убью... Ты не хочешь быть моей женой, ты будешь моей любовницей... Это хуже: жену мою уважали бы другіе, любовницу могутъ отнять, и если насиліе... (Она бѣжитъ къ выходу; онъ ее перехватываетъ и возвращаетъ.) Нѣтъ, ты не уйдешь, моя милая, ты не уйдешь; и глупо, что хочешь бѣжать... Куда ты бѣжишь? тамъ все враги твои.

Елена.

Я слышу выстрѣлы. Можетъ быть и для меня нашлась бы тамъ благодѣтельная пуля.

Милитецко.

Да! тамъ стрѣляютъ... Что такое? кто стрѣляетъ?.. (Она снова порывается убѣжать, онъ опять ее перехватываетъ.) Нѣтъ! нѣтъ!..

Елена.

Пусти!.. оставь!..

Выстрѣлы сильнѣе, слышны крики, она старается вырваться.

Милитецко.

А! ты думаешь, что ты сильнѣе меня.

Крики сильнѣе, слышны русскіе голоса, барабанный бой, трубы.

Елена.

Это наши!

Милитецко.

Русскіе!.. Мы спрячемся въ солому, они увидятъ, что тутъ никого нѣтъ...

Отталкиваетъ ее подъ лѣстницу въ солому.

Елена—кричитъ.

Спасите!

Милитецко—зажимая ей ротъ.

Тсс... (Слышны крики и шумъ пробѣгающихъ мимо солдатъ.) Они кажется пробѣгаютъ мимо ..

Крики и шумъ дѣлаются слабѣе.

Елена—съ отчаяніемъ.

Мимо! мимо!.. уходятъ... уходятъ мои спасители..

Милитецко—зажимая ей ротъ.

Молчи! я слышу шаги.

Шумъ. Дверь распахивается. Врываются Сенька, Коростылевъ, Обратимовъ и нѣсколько солдатъ, съ фонарями.

IV.

ТѢ ЖЕ, КОРОСТЫЛЕВЪ, ОБРАТИМОВЪ и русскіе солдаты, потомъ КВАШНИНЪ.

Сенька.

Скорѣй, скорѣй! она здѣсь съ нимъ осталась.

Коростылевъ.

Жива?.. Елена жива!

Сенька.

Нѣту?.. неужто успѣлъ уйти?

Въ это время Милитецко быстро вбѣгаетъ на лѣстницу и стрѣляетъ изъ пистолета. Обратимовъ падаетъ. Милитецко скрывается.

Коростылевъ.

Вотъ гдѣ онъ былъ!

Елена—выбѣгая.

Въ кого? въ кого?

Всѣ суетятся подлѣ Обратимова.

Обратимовъ.

Елена жива!.. жива!..

Коростылевъ.

Дитятко мое...

Елена.

Отецъ... и ты здѣсь .. и всѣ... но онъ умираетъ, смотри... онъ за меня умираетъ...

Вбѣгаетъ Квашнинъ

Квашнинъ

Расчесали ихъ вотъ какъ! побѣда, братцы! непріятель бѣжитъ.

Смолкаетъ, видя общее смущеніе и тихо подходитъ къ группѣ; съ ужасомъ смотритъ на Обратимова.

Обратимовъ—слабымъ голосомъ.

И побѣда... мы, русскіе... побѣдили... всѣ радости... сразу... Елена... я счастливъ.

Забывается.

КАРТИНА.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Картина 9-я.

ОСТАТКИ ВЕЛИКОЙ АРМІИ.

ЛИЦА.

Наполеонъ—императоръ французовъ.
Адьютантъ Наполеона.
Милитецко.
1-й крестьянинъ
2-й крестьянинъ.

Солдаты арміи Наполеона, свита его, солдаты, маркитантки и другіе бѣглецы Наполеоновской арміи.

Дорога въ лѣсу. Глухая морозная зима. Среди глубокаго снѣга валяются трупы замерзшихъ солдатъ и лошадей, брошенныя пушки и фуры. Сумерки.

Проходитъ отрядъ французскихъ солдатъ, въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ, въ тряпьѣ, закутанные, чѣмъ попало, отъ стужи. Идутъ въ разбродъ. Отрядъ нагоняютъ отсталые отдѣльные солдаты, еле переступая; одинъ падаетъ, силится встать и не можетъ. Проѣзжаетъ фура; въ ней сидитъ маркитантка, другая слѣдуетъ за фурой пѣшкомъ. Крестьянинъ крадется на аванъ-сценѣ, онъ таинственно озирается. Второй выходитъ изъ глубины.

I.

1-й и 2-й КРЕСТЬЯНЕ.

2-й крестьянинъ.

Антипка... уходи скорѣй.

1-й крестьянинъ

Глянь, что народу тутъ валяется, замерзшихъ... обшарить бы.

2-й крестьянинъ.

Уходи. Я было на кого напоролся.

1-й крестьянинъ.

Ну?

2-й крестьянинъ.

На ихъ ампиратора, на самого

1-й крестьянинъ.

На Наполеона?

2-й крестьянинъ.

Вона за лѣсочкомъ у огня грѣется съ анаралами. Ему въ рощѣ подстава приготовлена, перемѣнныя лошади; такъ пока перепрягаютъ, онъ изъ возка вылѣзъ и грѣется.

1-й крестьянинъ.

Кабы насъ да десятка два было, вотъ бы ихъ тутъ переловить.

2-й крестьянинъ.

Десятка два! ишь выдумалъ. Съ нимъ цѣлый полкъ конный, провожаютъ, тутъ за сугробомъ.

1-й крестьянинъ.

Ахъ ты, чтобъ вамъ... гонятъ, чай, и въ хвостъ и въ гриву... Убѣжитъ...

2-й крестьянинъ.

Кабы теперь казаки близко были...

1-й крестьянинъ.

Убѣжитъ.

2-й крестьянинъ.

Иди, иди .. вона...

Оба скрываются. Въ глубинѣ выѣзжаетъ возокъ, запряженный парой и останавливается. Выходитъ Наполеонъ съ маленькой свитой; солдаты несутъ факелы.

II.

НАПОЛЕОНЪ со свитой, КОЛЕНКУРЪ, АДЪЮТАНТЪ НАПОЛЕОНА.

Наполеонъ.

Eh bien, partons-nous?

Адъютантъ.

Tout est prêt, Votre Majesté!

Наполеонъ.

Oui, mon cher Caulaincourt, du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas.

Уходитъ. Звуки трубы. Слышно, какъ уѣзжаетъ возокъ по снѣгу. За сугробомъ видно движеніе конвоя. Входитъ быстро, видимо едва собравши силы, Милитецко и останавливается.

III.

МИЛИТЕЦКО, потомъ проходящіе бѣглецы Наполеоновской арміи.

Милитецко.

Остановитесь!.. остановитесь!.. возьмите меня!.. спасите! (Опускается на пень.) Силъ нѣтъ... ноги окоченѣли... страшно здѣсь... что со мной?.. я съ ума схожу... мой мозгъ замерзаетъ... страшно!.. (Встаетъ

и дико озирается.) Кто тутъ? деревья?.. или это люди такіе громадные... гиганты... (Вскрикиваетъ.) Это русскій народъ!.. вы... вы... востали за свою родину (Дрожа всѣмъ тѣломъ.) не давите меня... какая слава давить ничтожнаго?.. Наполеона раздавите, Бонапарта... онъ всему виной, а не я... (Сильно.) Я обвиняю его передъ вами! онъ во всѣхъ странахъ Европы отрывалъ людей отъ семьи и гналъ сюда... они не хотѣли, онъ гналъ, чтобъ васъ сдѣлать своими рабами... русскій народъ... Онъ позволялъ топтать ваши святыни, ваши иконы... его судите, лживаго императора! казните его... я буду свидѣтелемъ на судѣ, я всѣ его злодѣйства скажу... меня оставьте, оставьте (Дико посмѣиваясь.) Хе, хе... какъ онъ скачетъ теперь... скорѣй, скорѣй вонъ отсюда!.. великій побѣдитель... оплеванный, опозоренный... вонъ изъ Россіи... Казните его, гиганты, а не меня... (Опомнясь.) Что я говорю?.. не то, что надо... мнѣ надо... что?.. я голодный... вотъ что надо... ѣсть надо... а!.. лошадиное мясо!.. (Ощупывая себя.) Мой топорикъ... (Съ ужасомъ.) Я потерялъ мой топорикъ... Нѣтъ... онъ здѣсь... какой ужасъ, если-бъ я потерялъ... (Ударяетъ топорикомъ по лошади.) Что такое? не могу разрубить. (Съ ужасомъ.) Замерзла, замерзла!.. Хоть кровь изъ нее сосать... каплю крови... (Припадаетъ къ лошади, грызетъ ее.) Замерзла! нельзя, ничего... (Встаетъ. Слышенъ стонъ умирающаго.) Кто-то стонетъ... Ага! товарищъ, пригнали и тебя въ Россію умирать... умирай, умирай... Отдай мнѣ шинель, отдай, отдай!.. ты все равно умрешь... (Стаскиваетъ съ раненаго шинель.) а я... можетъ быть... я... (Укутывается.) У тебя сумка?.. что въ сумкѣ?.. я

хочу ѣсть... (Срываетъ съ раненаго сумку и шаритъ въ ней.) Шелковая матерія... ожерелье... жемчугъ... (Выбрасываетъ.) Дуракъ!.. дрянь, ты грабилъ... хлѣба! хлѣба!.. (Шаритъ въ сумкѣ.) Кошелекъ... (Вынимаетъ кошелекъ и роняетъ сумку.) Золото?.. (Садится и высыпаетъ золотыя монеты на ладонь.) Такъ, такъ ... золото... много золота... (Считаетъ.) Разъ, два, три... десять... много... трудно считать. (Нѣсколько монетъ выпадаетъ изъ его рукъ.) Не говорите Еленѣ, что я здѣсь... въ плѣнъ... Елену... крѣпко держите... я заплачу... много золота... (Монеты всѣ выпадаютъ изъ его рукъ.) Теперь теплѣе... домой... русскіе... тутъ русскіе... вездѣ... я... не отдамся... вездѣ...

Засыпаетъ, потомъ соскальзываетъ съ пня и падаетъ. Вѣтеръ завываетъ; метель; новый отрядъ отступающихъ въ разбродъ солдатъ Наполеона.

КАРТИНА 10-я.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

ЛИЦА.

Коростылевъ.
Елена.
Обратимовъ.
Пастурина.
Сенька.
Квашнинъ.

Крестьяне обоего пола, крестьянскіе дѣти (хоръ).

Въ имѣніи Коростылева.
26-го Декабря.

Свѣтлая горница; гостиная въ деревнѣ у Коростылева. Ясный морозный день. Входитъ Коростылевъ навстрѣчу, входящей изъ другой двери, Пастуриной.

I.

КОРОСТЫЛЕВЪ и ПАСТУРИНА.

Пастурина.

Къ первому къ тебѣ заторопилась, Андрей Петровичъ, здравствуй... Вчера только вернулась въ свою деревню, не могла усидѣть: Сплю и вижу, что съ сосѣдями сталось? какъ они Божье испытанье вынесли... Ну! говори же, скорѣй. Садись... Елена-то, Елена что? Елена жива?

Садится.

Коростылевъ.

Благодарю васъ, княжна...

Пастурина.

Я въ Москвѣ про васъ всю округу спрашивала: никакого толку не добиться. Батюшка попъ, отъ Николы на курьихъ ножкахъ, говоритъ, будто, видѣлъ васъ; вы, будто, послѣ Тарутинскаго сраженья, какъ только непріятель изъ Москвы ушелъ, первыми въ Москву вернулись.

Коростылевъ.

Правда.

Пастурина.

Съ Москвой-то что сталось? а? Андрей Петровичъ, видѣлъ? Іерусалимъ разрушенный; камни, камни, пепелище... геенна огненная по городу прошла. Говорятъ, столицу первопрестольную въ Нижній переводятъ. . вздоръ, нѣшто можно вѣковѣчную святыню съ мѣста сдвинуть?

Коростылевъ.

Москва обстроится.

Пастурина.

И я съ тобой въ одно слово. Что взялъ Бонапартъ? злился, злился, въ Кремлѣ сидючи, что мы ему не поддаемся, ничего умнѣй не выдумалъ: взорвалъ Кремль, убѣжавши... Ивана Великаго хотѣлъ на воздухъ поднять; да нѣтъ, не допустилъ промыслъ Божій, стоитъ колокольня нерушимо по прежнему. А у Никольскихъ-то воротъ видѣлъ? стѣна рухнула, а рядомъ надъ воротами у иконы даже стекло и лампада невредимы остались, это ли не чудо?

Коростылевъ.

Чудеснаго не мало совершилось.

Пастурина.

Просвѣщенныя націи! разбойники да воры оказались. Крестъ съ Ивана Великаго стащили, гербъ Московскій деревянный позолоченный, все хватали.

И мой домишечка сгорѣлъ, Андрей Петровичъ, въ Палашевскомъ переулкѣ. Подхожу, вижу однѣ печи да трубы торчатъ, индо взвыла! и погребъ сломанъ, и все мое добро выкрадено: посуда, одежда... а, вѣришь ли, рядомъ попадья свой сундучишка на огородѣ зарыла, сверху грядки накопала и кочерыжки капустныя натыкала, и вѣдь цѣлъ остался сундукъ. По всей Москвѣ кладовыя каменныя, погреба разбиты, разграблены, а кочерыжки крѣпче камня добро сберегли.

Утираетъ слезы.

Коростылевъ.

Что объ этомъ сокрушаться, такія ли несчастья пришлось перенести.

Пастурина.

Неужто съ Еленой? да скажешь ли ты мнѣ про нее? полчаса дожидаюсь.

Входитъ Елена. За ней Обратимовъ, (онъ очень слабъ) поддерживаемый Сенькой.

II.

ТѢ-ЖЕ, ЕЛЕНА, ОБРАТИМОВЪ и СЕНЬКА.

Коростылевъ.

Вотъ она.

Пастурина.

Слава Богу!—перепугалъ ты меня

Елена.

Съ праздникомъ, Анна Николаевна, поздравляю, съ великимъ праздникомъ, съ Рождествомъ Христовымъ.

Пастурина.

Ахъ я безумная!.. ахъ я глупая... вѣдь и то у насъ Рождественскіе праздники, а я и поздравить тебя, Андрей Петровичъ, забыла... не взыщи, родной: при нашихъ бѣдахъ всякую память отобьетъ. Съ праздникомъ.

Коростылевъ.

Спасибо.

Пастурина—Еленѣ.

Цѣлехонька?.. Дай на тебя поглядѣть, какъ тебя Богъ сохранилъ?.. Говорила я тебѣ со мной ѣхать, нѣтъ, осталась въ Москвѣ подъ непріятелемъ... Вотъ, чай навидалась... что небылицъ мнѣ про тебя наплели!.. разсказывай... отъ отца твоего слова не добьешься; молчитъ, какъ рыба.

Коростылевъ—посмѣиваясь.

Поневолѣ молчишь: вы къ слову не допускаете, все сами говорите.

Пастурина.

Такое время, батюшка: теперь я чай по всей Россіи языки трещатъ, что почтовые бубенцы; у

каждаго есть что повыложить... Ну да сдержу себя, разсказывай.

ЕЛЕНА.

Послѣ когда нибудь, не сейчасъ. Столько ужаснаго пришлось вынести, не хочу вспоминать... Теперь и праздникъ, во истину Рождество Христово: все хорошее возрождается... Свѣтло и весело на душѣ... враги бѣгутъ, друзья выздоравливаютъ...

Протягиваетъ руку Обратимову, который ее жадно цѣлуетъ.

ПАСТУРИНА.

Кто это у тебя?.. да никакъ это... вѣрно... ополченецъ нашъ, Иванъ Семеновичъ... Что извелся какъ, кожа да кости?

ОБРАТИМОВЪ.

Боленъ былъ.

ЕЛЕНА.

За меня едва не умеръ, и если я еще живу на свѣтѣ, такъ вотъ мои спасители.

ПАСТУРИНА.

Ахъ, Сенька, и ты тутъ. Мертвые изъ гробовъ встаютъ. Такъ тебя нигдѣ непріятель штыкомъ не приткнулъ, за то, что ты меня, старуху, не уважилъ?... я его у васъ въ бѣглыхъ почитала.

Коростылевъ.

Отчего въ бѣглыхъ?

Пастурина.

Мнѣ его Елена въ Москвѣ отдала, а онъ не послушался, отъ моего воза убѣжалъ... и за коровой не присмотрѣлъ; корову у меня увели... убѣжалъ въ Москву, въ разгульную толпу, пьянствовалъ да безчинствовать.

Коростылевъ.

Что вы? что вы?

Елена.

Анна Николаевна, никогда... никогда вы при мнѣ дурного слова про Семена не говорите. Я слѣпая была, легкомысленная, что такимъ вѣрнымъ другомъ не дорожила и отдала вамъ его; но онъ, въ широкой преданности, чуялъ сердцемъ, какъ онъ мнѣ будетъ нуженъ, и остался въ огнѣ Москвы... для меня остался... испыталъ и побои, и муку, и страхъ за меня; каждую минуту убить его могли... Господи!.. вотъ тутъ трое самыхъ дорогихъ мнѣ людей, имъ я обязана моей жизнью и счастьемъ... мой отецъ... мой женихъ... и другъ... безгранично преданный другъ.

Сенька—въ слезахъ.

Барышня... полноте, полноте, полноте...

Елена.

Онъ научилъ меня понимать простыя добрыя души, онъ научилъ меня любить нашъ добрый русскій народъ, и за это я его цѣлую.

Цѣлуетъ Сеньку, который послѣ этого сконфуженъ и въ слезахъ убѣгаетъ. Пауза.

Пастурина.

Огорошила ты меня, матушка... и впрямь Наполеоново нашествіе все у насъ переворошило... Ты говоришь: женихъ? ты за этого замужъ выходишь?

Обратимовъ.

Да-съ, больного меня выходила, вылѣчила и согласье дала.

Цѣлуетъ руку Елены.

Коростылевъ.

Въ Москвѣ еще все это было рѣшено, послѣ Тарутина.

Елена.

Раньше, отецъ... у меня въ душѣ гораздо раньше было рѣшено. Еще когда онъ пришелъ спасти меня отъ непріятеля и его арестовали и хотѣли разстрѣлять; еще тогда я сразу почувствовала, что искренно любила только его. Я обезумѣла отъ страха за него... я упала въ обморокъ, и, когда очнулась, не понимала, что со мной дѣлалось... но почему-то

твердо вѣрила, что онъ не будетъ убитъ... и когда въ Тарутинѣ его тяжело ранили, и когда полумертваго мы его привезли въ Москву. Въ первую обѣдню въ Москвѣ, послѣ ухода непріятеля; это было въ Страстномъ монастырѣ, тамъ церковь пощадили... разлился нашъ русскій благовѣстъ, трезвонъ колоколовъ; кто былъ въ городѣ, каждый бѣжалъ въ церковь... съ какимъ величіемъ, съ какимъ благоговѣніемъ слушали эту первую обѣдню послѣ погрома... и когда въ концѣ пѣвчіе запѣли Царю Небесный Утѣшителю!—всѣ упали на колѣна и рыдали отъ счастья... солдаты, купцы, народъ, дворяне... горячо молилась и я: Царю Небесный Утѣшителю! прости мнѣ мой грѣхъ, что отстранялась я отъ даннаго мнѣ Тобою жениха, спаси его!.. спаси, верни его мнѣ... И Богъ услышалъ мольбу: когда я пришла домой изъ церкви, кризисъ болѣзни раненаго прошелъ и началось выздоровленіе.

Она стала за стуломъ, на которомъ сидитъ Обратимовъ и положила руки на его плечи. Онъ схватываетъ ея руки и въ слезахъ цѣлуетъ ихъ. Пауза.

Настурина.

Ахъ ты... полно-ка... совсѣмъ растрогала меня... ну поздравляю... поздравляю... Ужъ коли вы другъ другу жизнь спасли, такъ не для другого кого; бракъ будетъ крѣпкій ..

Сенька возвращается.

Сенька.

Баринъ, ребятишки деревенскіе пришли съ праздникомъ проздравлять, коляду пѣть.

Коростылевъ.

Веди сюда, да дворецкому скажи: пряниковъ дѣткамъ, сластей принести.

Сенька—отворяя дверь.

Идите.

Входятъ крестьянскіе мальчишки и дѣвченки. Одна дѣвушка несетъ зажженый бумажный фонарь въ видѣ звѣзды. Установившись, они поютъ.

III.

ТѢ ЖЕ и крестьянскіе дѣти.

Дѣтскій хоръ:

Мы ходили, мы искали
Коляду святую...
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ.
Мы коляду нашли
У баринова двора.
Середи двора два терема стоятъ;
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко

Свѣтелъ мѣсяцъ нашъ бояринъ
Андрей Петровичъ,
Красно солнышко боярышня
Елена свѣтъ Андреевна..
Здравствуй хозяинъ хорошій,
Здравствуй съ пригожею дочкой!
Мы пришли тебя проздравлять!
Христосъ рождается,
Рождественская звѣзда загорается.
Бояринъ нашъ догадается
За коляду дѣтокъ подарить.
Здравствуй бояринъ съ боярышней
На много лѣтъ!

Сенька вноситъ сласти и раздаетъ дѣтямъ.

Коростылевъ—манитъ.

Иди дѣвица... (Дѣвочка подходитъ.) Вотъ вамъ и по монеткѣ за пѣсню... (Глянувъ на дверь.) Кто тамъ въ дверяхъ толчется?

Сенька.

Крестьяне набрались, полны сѣни

Коростылевъ.

Всѣхъ давай сюда!

Входятъ крестьяне обоего пола.

IV.

ТѢ ЖЕ и крестьяне обоего пола.

Голоса.

Съ праздничкомъ, батюшка баринъ, съ праздничкомъ.

Коростылевъ.

Дворецкому скажи: всѣхъ угощать... чтобъ всѣмъ весело было.

Голоса.

Спасибо, баринушка, спасибо, благодаримъ.

Говоръ, шумъ. Входитъ Квашнинъ.

V.

ТѢ ЖЕ и КВАШНИНЪ.

Квашнинъ.

Разступитесь! разступитесь!.. Андрей Петровичъ, батюшка, вѣсти великія...

Всѣ смолкаютъ.

Коростылевъ.

Радостныя ли?

Квашнинъ.

Какой радости больше и быть не можетъ. Объявленъ отъ Государя Императора всему православному народу манифестъ, что въ сей день праздника Рождества Христова уже ни одного вооруженнаго непріятеля нѣтъ на русской землѣ.

Пастурина.

Всѣхъ выгнали?

Квашнинъ.

Кто въ полонъ не попался.

Общій крикъ.

Урра!.. урра!..

Квашнинъ.

Радуйтесь православные, старъ и младъ... въ праздникъ Рождественскій загорѣлась ясная зорюшка надъ нашей родиной. Радуйтесь, ребятки малые, ростите, крѣпнете, и дай Господи, чтобъ ни вамъ ни деткамъ вашимъ, ни внукамъ, ни правнукамъ не пришлось бы того испытать, что мы испытали во дни нашествія Наполеонова. Изъ вѣка въ вѣкъ, пущай помнятъ про нашу смертельную годину. И если когда ни на есть попуститъ Господь снова вражьи полчища на русскую землю, чтобъ сыны ея также до послѣдней капли крови стояли за отечество, какъ нынче отстоялъ его нашъ русскій народъ.

Елена.

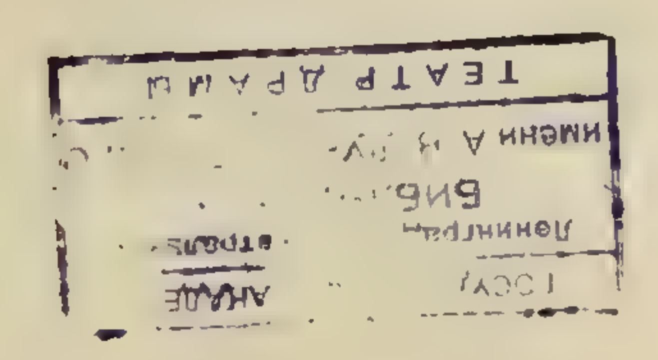
Слава русскому воинству!.. Слава всему русскому народу!

Квашнинъ.

Пойте! пойте славу!

Общій хоръ

Слава русскому воинству,
слава!
Слава всему народу русскому,
слава!

Изд

Д

Сборникъ пьес

Томъ перв
ПРИЗЪ. К.м.
ДОЕ ПРИЗНАН
3 ДЯДИ БЕББ
(1 ж., 2 м.). [illegible]
НЕ ВИДАТЬ. [illegible]
ПОРЫ ДО ВРЕМ
6 НЕ ХУЖЕ [illegible]
1 ж., 3 м.).

Томъ второй
1 ж., 1 м.). 2
3 д. (4 ж., 5 м
ДОЕ РО ТЕТЪ. [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] ВЪ ПОРОС[illegible]
въ 2 д. (2 ж.,

Томъ третій.
СТУПЛЕНІЮ. [illegible]
2, ЧЕРНАЯ НЕБ
3 м.). 3, ЗВѢЗ
4 м.). 4, ЗАХ
Фарсъ въ 2 д.
[illegible]ОСТЬ. К.

Томъ четве
(3 ж., 3 м.).
въ 4 д. (6 ж
Фарсъ въ 2
ЗВЕРИ. Сцен

*) Въ скобках
чать женскія рол

Томъ пятый. 1) ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕКЪ. Ком. въ 3 д. (4 ж., 5 м.). 2) ДИТЯ НЕСЧАСТЬЯ. Драма въ 4 д. (6 ж., 6 м.). 3) ДОМОВОЙ ШАЛИТЪ. Ком. въ 2 д. (4 ж., 5 м.). 4) СЪ ТОЙ СТОРОНЫ. Сцена въ 1 д. (2 ж., 1 м.).

Томъ шестой. 1) ПРЕЛЕСТНАЯ НЕЗНАКОМКА. Шутка въ 1 д. (3 ж., 5 м.). 2) АНГЕЛЪ ДОБРОТЫ И НЕВИННОСТИ. Ком. въ 4 д. (4 ж., 5 м.). 3) СЕМЬ МИЛЛІОНОВЪ. Ком.-шутка въ 1 д. (2 ж., 4 м.). 4) НОЧЬ ПОСЛѢ СВАДЬБЫ ДОЧЕРИ РЫНКА АНГО. Оперетта-фарсъ въ 1 д. (2 ж., 9 м.). 5) НЕ ЗНАЯ БРОДУ—НЕ СУЙСЯ ВЪ ВОДУ. Шутка въ 1 д. (2 ж., 3 м.).

Томъ седьмой. 1) НАДО РАЗВОДИТЬСЯ. Ком. въ 3 д. (5 ж., 7 м.). 2) ПОСТАНОВКА пьесы: Надо разводиться. 3) ВОСТОРЖЕННАЯ НАТУРА. Ком. въ 1 д. (2 ж., 4 м.). 4) ТЕТЯ ЛИЗА. Ком. въ 4 д. (4 ж., 7 м.). 5) КРОВАВОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Ком. въ 1 д. (2 ж., 5 м.).

Томъ восьмой. 1) ОТКУДА СЫРЪ-БОРЪ ЗАГОРѢЛСЯ! Комедія-шутка въ 4 д. (3 ж., 7 м.). 2) ТОРЖЕСТВО ДОБРОДѢТЕЛИ! Ком. въ 3 д. (8 ж., 18 м.). 3) ПУТЕМЪ БЛАГОРОДСТВА! Ком. въ 1 д. (1 ж., 4 м.). 4) КАКЪ Я МАМАШУ ИСПРАВИЛА! Сцена-монологъ въ 1 д. (1 ж.).

Томъ девятый. 1) ЗА НАСЛѢДСТВО. Драма въ 3 д. (5 ж., 5 м.). 2) ПОДЪ ГНЕТОМЪ УТРАТЫ. Драм. этюдъ въ 1 д. (4 ж., 3 м.). 3) ВЪ СѢТЯХЪ АМУРА. Ком. въ 1 д. (4 ж., 6 м.). 4) НАША ЗЛОДѢЙКА. Фарсъ съ пѣніемъ въ 1 д. (4 ж., 4 м.). 5) СВЕРХЪ КОМПЛЕКТА. Ком. въ 4 д. (6 ж., 12 м.).

Отдѣльно продаются пьесы В. А. Крылова: РАЗРУШЕННЫЙ ДОМЪ, драм. очеркъ. 2 д., ц. 75 к.—ЧЕСТЬ, ком. перев. 4 д., ц. 1 р.—ТАКЪ НА СВѢТѢ ВСЕ ПРЕВРАТНО, ком. 3 д., ц. 75 к.—БРАТЬЯ РАНЦАУ, ком. перев. 4 д., ц. 1 р. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, истор. хроника. 5 д., ц. 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 мая 1903 г.

Типографія Шредера, Гороховая, 49.

ВыпускъCXXXVIII

1914.

МОЛОДАЯ РОССІЯ

Пьеса въ 4 д.

П. Астрова.

ѣна 2 руб.
оли 3 р. 50 к.

ИЗДАНІЕ
„СѢВЕРНОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ“
К. П. Ларина,
Петроградъ, Литейный пр., 49.

Къ представленію БЕЗУСЛОВНО дозволено Правит. Вѣстникъ 1914 г. №